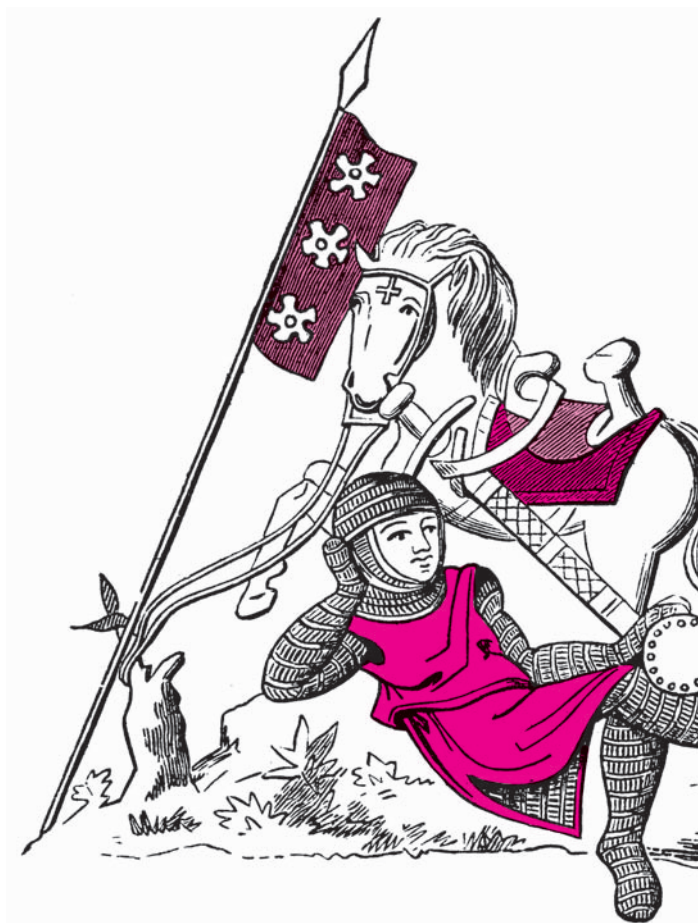

Кретьен де Труа Персеваль, граф Грааля

Москва
ЭКСМО
2006

Из глубины веков нами унаследовано уважение к рыцарскому кодексу поведения и преклонение перед духом истинного рыцарства. Эту ситуацию не в силах изменить никакие исторические труды или художественная проза, рисующие средневековую жизнь, в том числе и в аристократической среде, как грубое и жестокое существование, основанное на праве силы, жесткой социальной иерархии и постоянном пренебрежении элементарными нравственными нормами.

Возможно, все действительно так и было; с другой стороны, нашей эпохе в этом отношении также гордиться особенно нечем. Дело совсем в другом; просто истинный рыцарь — это мечта, даже объект веры, а против таких оппонентов бессильны любые факты и рациональные доводы. Чем больше у нас поводов быть недовольными окружающей реальностью, тем чаще мы обращаем свой взгляд к идеалу — в поисках опоры и в надежде на лучшие времена. Воплощение этих представлений в самом гармоничном и привлекательном виде издавна возлагалось на искусство.

Рыцарский роман, возникший в XII в., как раз и служил таким зримым отображением — не той, современной, жизни, которая была всем известна, пожалуй, даже слишком хорошо, а другой, мечтанной, очень напоминающей реальную, только очищенную от всех скверных «примесей». В этой своеобразной утопии властвовал благородный король Артур, окруженный рыцарями Круглого Стола, образцовыми в отношении нравственности, религиозности, благородства, самоотвержения, мужества, то есть того кодекса поведения, соблюдение которого считалось обязательным для всякого истинного рыцаря.

При этом сам Артур очень напоминал типичного средневекового европейского государя, а его двор — с турнирами, пирами, отважными походами против врагов и культом женщины был явно списан с придворной жизни, какой она сложилась в XI—XII вв.

Рыцарский роман просуществовал приблизительно до XIV в. Истории о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола служили наиболее распространенным источником вдохновения для сочинителей. Среди других тем можно назвать, например, мифы о Троянской войне (здесь воплощением доблести и куртуазности служил двор царя Приама), а также жизнь и подвиги Александра Македонского, который предстал проникнутым духом рыцарства и христианской добродетели, а также — примером душевного благородства и галантного отношения к женщинам.

Популярность самого жанра была такова, что и в XVII столетии Сервантес посмеивался над своими соотечественниками из-за их увлечения еще не забытыми рыцарскими романами. Что касается самого духа этих сочи-

нений, то он, благополучно пережив смену литературных мод, течений, направлений и школ, вполне востребован и в наши дни, в особенности — в массовой литературе.

Французский поэт Кретьен де Труа (ок. 1130 — ок. 1191) был одним из тех, кого можно назвать создателями рыцарского романа. Его перу принадлежат такие шедевры этого жанра, впоследствии породившие множество подражаний и продолжений, как «Эрек и Энида», «Клижес», «Ивейн, или Рыцарь со львом», «Ланселот, или Рыцарь телеги» и «Персеваль, или Повесть о Граале».

Основное отличие средневекового романа от современного — в том, как он создавался и преподносился публике. Литератора того времени сложно было назвать представителем свободной профессии, да он и не был писателем в современном понимании этого слова. В средние века, чтобы сочинять, нужно было получить хорошее образование, то есть не только уметь писать, но и разбираться в богословии, знать несколько языков, изучить сочинения античных авторов.

А еще для успешных творческих занятий был необходим заказчик и покровитель, у которого писатель состоял на службе в качестве, например, библиотекаря, секретаря, историографа и даже дипломата или юриста. Кретьен де Труа служил у именитых сеньоров — Генриха Шедрого, графа Шампанского, женатого на дочери французского короля Людовика VII, а впоследствии — у Филиппа Эльзасского, графа Фландрского.

Литературные произведения, таким образом, несли на себе отпечаток вкуса не только их непосредственного сочинителя, но и его господина. Их создание также не было сугубо личным делом автора, поскольку обнародование романа в те времена происходило в пол-

ном соответствии с изначальным смыслом этого слова: его исполняли в торжественной обстановке, при большом стечении представителей высшего общества. Именно в такой обстановке впервые прозвучал роман «Персеваль, или Повесть о Граале».

Для современного читателя путь к шедеврам средневековой литературы тернист и труден, невзирая на то обстоятельство, что форма представления самого произведения аудитории с тех пор существенно демократизировалась и упростилась. Основное препятствие — это язык и форма изложения. С одной стороны, в XII веке «Персеваль» был написан в стихотворной форме, поэтому, по идее, таким он должен предстать и в русском переводе, с максимальным сохранением ритмико-звуковой основы произведения и индивидуально-авторской манеры изложения. Выглядеть это должно приблизительно так:

И прежде чем юнец назвался,
Юнцом король залюбовался:
Герой не может не пленять.
Плащи решили греки снять,
Обычаев не нарушая,
Доверие к себе внушая.
Гость, не успев заговорить,
Сумел придворных покорить.

Кретьен де Труа. «Клижес», 313—320.
(пер. В. Б. Микушевича)

Прекрасный, страница за страницей льющийся плавной мелодией стих с трудом воспринимается современным человеком, который привык к лаконичной прозе и уже давно утратил вкус к наслаждению классическим

стихотворным эпосом. Это вполне объяснимо: за прошедшие восемьсот с лишним лет сменилась не одна культурная эпоха, и представления о художественной литературе, искусстве поэзии и даже высоком и прекрасном стали иными.

Поэтому в настоящем издании мы отступили от академической традиции добиваться от перевода почти буквального сходства с оригиналом, — в конце концов, во Франции Кретьена де Труа тоже читают не на старофранцузском, а в современном изложении.

Вот почему голос Кретьена де Труа передан в нашем переводе ритмизированной прозой: она отчасти сохраняет для читателя волнующий аромат той далекой эпохи и в то же время более привычна для нашего восприятия. С ним переплетается другой голос, принадлежащий современному поэту; так в прозаическом тексте возникают поэтические вставки — своеобразный лирический комментарий к происходящему, по-иному обнаруживающий красоту чувств героев и значительно богаче раскрывающий эмоциональный фон описываемых событий.

Такое построение книги можно сравнить со средневековым поэтическим турниром. В отличие от рыцарских поединков, поэты не стремились вышибить соперника из седла или обезвредить его еще каким-либо способом. Это был большой праздник, на котором состязались несколько мастеров своего дела; главным для них было не завоевать первое место, а озарить окружающих, хотя бы на время, сиянием вечной гармонии искусства, способным доставить истинным ценителям ни с чем не сравнимое наслаждение.

Вадим Татарин

Кретьен де Труа Персеваль, граф Грааля

Перевод и прозаический пересказ *Д. Вишневского*
Поэтические вставки *И. Евсы*

Кто мало посеет — мало и пожнет. Кто стремится к хорошему урожаю, должен посеять зерно на плодородной почве, которая воздаст ему стократно, ибо в бесплодной земле даже отборное зерно сохнет и погибает.

Кретьен сеет; и его зерно — это начатый им роман, упавший в столь благодатную почву, что обильный урожай обеспечен, поскольку он выращивается для самого мудрого человека, когда-либо жившего в Римской империи. Я говорю о Филиппе Фландрском, который намного блистательней Александра, восславленного многими в качестве образца блистательности и величия.

Но я докажу, что граф неизмеримо достойней и выше его, ибо тот вобрал в себя

все грехи и пороки, которые графу не свойственны.

Да, граф таков. Он отвергает грубые шутки и безумные речи. Он погружается в глубокую печаль, когда слышит дурное о ком бы то ни было.

Граф признает только истинное правосудие, преданность и Святую Церковь. Всякая низость вызывает в нем гнев и презрение. Он гораздо искренней и щедрей, чем вещает людская молва, поскольку творит добро без лукавства и задних мыслей, следуя тому, о чем гласит Евангелие: пусть твоя левая рука не ведает о благодеяниях, которые творит правая.

Но почему Евангелие говорит: прячь добрые дела от левой руки своей? Да потому, что левая рука символизирует ложную славу, которую порождает лукавство. Но правая, что символизирует она? Вот ответ: добродетель, что не кичится своими деяниями, а, напротив, скрывает, дабы никто не прознал о них.

Ибо, согласно Святому Писанию, Господь есть добродетель, как утверждал святой Павел, а я прочел: живи в Боге и Бог будет в тебе.

Так знайте же, что таковы и деяния благородного графа Филиппа, о коих не известно

никому, кроме его сердца, великодушного и праведного, понуждающего творить добро.

Не правда ли, он достойней Александра, который далек от всякой добродетели?

Конечно, да, и в этом нет ни малейшего сомнения.

А значит, не напрасны старания Кретьена, переложившего стихами сказание о Граале, которое он получил от графа в виде обычной книги.

LXIX

ыла пора, когда

деревья стоят в цвету, леса покрываются нежным пухом и зеленеют луга, когда птицы по утрам распевают на ветках, а всякая живая тварь пребывает в радостном возбуждении.

Сын Вдовы из Безлюдного Леса проснувшись, быстро оседлал коня и, взяв три копыя, отправился на охоту. Покинув поместье матери, он задумал взглянуть на работу ее крестьян, боронивших поля затем, чтобы посеять овес. Было у них двенадцать быков и шесть борон.

Едва всадник углубился в лес, как беспринчинная радость переполнила сердце и охватила, казалось, все его естество. Он был в гармонии с нежной природой, с ликующим птичьим многоголосьем.

Поскольку погода стояла тихая и ясная, всадник отпустил поводья, позволив лошади щипать, походя, сочную, молодую траву. Сам же он, ловко владеющий любым оружием, метал копыя во все стороны: вперед и назад, а также вверх и вниз.

Ты куда направился, сын Вдовы, на своем коне сквозь Безлюдный Лес? Так стрела усилием тетивы рассекает синюю ткань небес. Лишь Тому и ведомо, Чья рука направление этой стреле дала,— где найдетсЯ дело для смельчака, велика ль дорога или мала. Разве может знать наперед юнец, что едва ступил за порог жилья,— кто охотник нынче, а кто беглец, и чью грудь пронзит острие копыа?

Внезапно из-за деревьев донесся шум, но юноша не мог знать, что к нему приближаются пятеро рыцарей, вооруженных с головы до ног. Невероятный грохот шел от оружия и доспехов скачущих всадников! Они цеплялись за ветви дубов и грабов, копыта колотились о щиты, звенели кольчуги. Гудел лес, и гремел металл щитов и кольчуг.

СХ

олодой человек

услышал галоп приближающихся всадников, не видя их, и с удивлением сказал себе: «Клянусь душой, права госпожа моя матушка, утверждая, что ужаснее бесов нет ничего на свете. И хотя учила она меня, что следует перекреститься, но пренебрегу я этим наставлением. Нет, в самом деле, не буду я креститься, а лучше поражу самого сильного из них моим копьем, и тогда наверняка никто другой не осмелится ко мне подойти».

СХХV

ак размышлял юноша,

но лишь до тех пор, пока не увидел всадников. А когда они выехали из-за деревьев, в звенящих кольчугах и сверкающих шлемах, его изумили их длинные копья и щиты.

О, что это было за зрелище! Золоченое серебро, золото и лазурь сверкали на солнце, всадники поражали стройностью, красотой и величием.

СХХХVII

«

х, Господи Боже,

прости! Ты прислал ко мне ангелов. А я совершил тяжкий грех, отозвавшись о них дурно, назвав их бесами.

Моя мать не плела что попало, когда говорила, что ангелы — самые дивные творения среди

всего сущего, кроме, конечно, Бога, Который прекрасней всех.

Да, я вижу здесь Господа Бога нашего и свято верю в это, поскольку мне открылось нечто такое (Господи, помилуй!), чего другие и десятой доли не имеют.

Мать учила, что мы должны верить в Бога, чтить и славить Его, поклоняться Ему. Что ж, я склонюсь перед Ним и перед теми, что служат Ему».

CLV

прыгнув с коня, он

упал на колени и принялся читать «Символ Веры» и все прочие молитвы, которым его научила мать.

Увидев это, предводитель рыцарей сказал:

— Повелеваю: ни шагу дальше. Этот юноша, заметив нас, упал на землю от страха. Если мы приблизимся к нему впятером, бедняга умрет от ужаса, не ответив ни на один из моих вопросов.

Всадники замерли, а предводитель поскакал к юноше. После краткого приветствия он решил успокоить его и промолвил: «Не стоит бояться!»

— Мне ли бояться Спасителя, в Которого верую, — ответил молодой человек. — Вы ведь — Бог?

— Честно говоря, нет.

— Да кто ж вы тогда?

— Рыцарь.

— Никогда не был знаком с рыцарем, не встречал его и даже, правду сказать, не слышал о нем. Но вы, вы прекраснее Бога. Ах, если бы мне стать похожим на вас, стать столь же блистательным, как вы!

CLXXXIII

приблизившись

к юноше вплотную, рыцарь спросил: «Не видел ли ты сегодня на этих землях пятерых рыцарей и трех девушек?»

Но у юноши тоже были вопросы, на которые ему не терпелось получить ответы. Выставив

свое копье против копья рыцаря, он спросил:
— Дорогой господин, вы, кто зовется рыцарем, что это вы держите?

— Мне казалось, мой друг, что ты сообщишь мне нечто важное, а выходит, что вместо ответа я получил вопрос. Хорошо, рассею твои сомнения: это мое копье.

— Не хотите ли вы сказать, что его можно метать так же, как и мои дротики?

— Нет, юноша, ты и вправду дурень. Им скорее бьют с близкого расстояния.

— Тогда любой из моих дротиков, которые вы видите, гораздо лучше, ведь мне дано поразить ими все, что заблагорассудится, — хоть зверя, хоть птицу. И попасть я в них могу на расстоянии полета стрелы.

— Все это, юноша, не моя забота, а вот, что касается рыцарей, будь добр, ответь мне. Итак, скажи, где они? Да и девушки, ты их, наверное, встретил?

Но тут юноша схватился за край его щита и спросил: «А это что такое и для чего оно вам?»

— Юноша, ты, очевидно, шутишь, отвечая на мой вопрос новым вопросом? Я считал, да простит меня Господь, что узнаю от тебя об интересующем меня деле раньше, чем ты узнаешь что-

либо от меня. Но ты упорно хочешь, чтоб я тебя поучал! Ладно, я и на этот раз отвечу, поскольку ты мне симпатичен: щит — вот название того, что я держу.

— Щит, это имя предмета?

— Да, и, по правде говоря, я не должен пренебрегать им, ведь он мне столь верен, что, если меня попытаются достать копьем или стрелой, выпущенной из лука, он защитит мое тело: такова его служба.

ССХХХІ

стальные рыцари,

пустив лошадей неспешным шагом, постепенно приблизились к беседующим.

— Сир, что вам рассказывает этот валлиец?

— Он не знает ни обычаев, ни правил поведения, да простит меня Господь! А потому на вопросы, которые я задаю, не отвечает прямо, а сам начинает спрашивать обо всем, что видит: мол, как это называется, и что с этим делают.

— Сир, сообщаю вам, что валлийцы по сути своей тупее, чем скотина на выгоне. К слову, и этот тоже — скотина. Просто безумие стоять тут перед ним, разве что есть желание потратить время на глупости.

— Ну не знаю, храни меня Господь! Все же, перед тем как продолжить путь, я объясню юнцу то, что ему непонятно. А без этого я его не покину.

И рыцарь снова спросил: «Юноша, не хотелось бы тебя сердить, но расскажи мне наконец о пятерых рыцарях, а также девушках: встречал ли ты их или хотя бы о таких слышал?»

Но упрямый валлиец, ухватившись за полу кольчуги, потянул ее на себя.

— Ответьте мне, дорогой господин, что на вас за одежда?

— О юноша, ты и таких пустяков не знаешь?

— Увы, нет.

— Скажу тебе: это — моя кольчуга, и она ничуть не легче железа.

— Она правда железная?

— А разве ты сам не видишь?

— Я ничего не понимаю в кольчугах, но она так красива, Господи спаси! Для чего она вам?

— Ну, это объяснить нетрудно: если захочешь метнуть в меня дротик или выстрелить из лука, ты не сможешь причинить мне никакого вреда.

— Господин рыцарь, пусть наш Создатель не дает такую кольчугу оленям, ведь я ни единого не смогу убить, а значит, — прощай, охота!

CCCLXXVII

то же до рыцаря, то

он повторил: «Юноша, с Божьей помощью, мог бы ты мне рассказать о рыцарях и девушках?»

У валлийца хватило ума лишь на то, чтобы пробормотать: «Вы рождены таким, каков вы сейчас?»

— Нет, юноша, это невозможно: ни одно живое существо не рождается взрослым.

— Кто же вас так снарядил?

— Юноша, я объясню тебе, кто.

— Ну, говорите же.

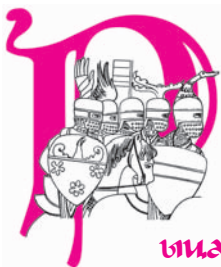
— Охотно. Прошло всего пять дней с того часа, когда король Артур посвятил меня в рыцари и дал эту экипировку. Но теперь твой черед, скажи, куда делись рыцари, что проследова-

ли тут, увозя трех девушек? Двигались они шагом или мчались, словно спасались от кого-то?

— Господин, — отвечал молодой человек, — видите лес, окружающий эту гору: там находятся проходы Вальдонн.

— Ну и что, брат мой?

— Там, за ними, работники моей матери: они боронят и распахивают ее земли. Если люди, которых вы ищете, действительно проехали мимо, те непременно бы их заметили, а коль так, то они обязательно скажут мне об этом.

СССIV

ыцари тут же заявили,

что последуют за юношей, если, конечно, он согласится проводить их к работникам, боронящим поле для овса.

Молодой человек оседлал лошадь и отправился туда, где сейчас боронили свежевспаханное поле, куда был высеян овес. Увидев своего хозяина, крестьяне задрожали от страха.

И знаете, почему? Конечно же из-за вооруженных рыцарей, которых они увидели рядом с ним, поскольку понимали: если всадники рассказали ему, кто они такие, — юноша непременно захочет стать рыцарем, а его бедная мать сойдет с ума от горя, ибо надеялась, что сделала все, чтобы он никогда не встретил рыцарей и не узнал о роде их занятий.

Молодой валлиец спросил работников: «Довелось ли вам видеть пятерых рыцарей и трех девушек, которые проследовали здесь?»

— Они постоянно проезжали через эти проходы в течение дня, — ответили те.

После чего юноша обратился к рыцарю, с которым не так давно вел столь длинную беседу: «Господин, тут как раз и проследовали рыцари с девушками. Теперь вы, в свою очередь, расскажите мне подробнее о короле, который посвящает в рыцари, и назовите место, где можно его найти».

— Юноша, я с удовольствием тебе отвечу: король пребывает в Кардуэле. Не прошло еще и пяти дней, как я с ним там встречался. Но если ты не обнаружишь короля в вышеназванном месте, всегда найдется тот, кто подскажет тебе, где он сейчас.

Король никогда не будет настолько далеко, чтобы ты не слышал о нем. Но теперь скажи, каким именем мне тебя называть.

— Я отвечу вам, господин: меня зовут Дорогой Сын.

— Дорогой Сын — это твое имя? Я уверен, юноша, что у тебя должно быть и другое имя.

— Господин, клянусь моей верой: меня зовут Дорогой Брат.

— Да-да, я в этом не сомневаюсь. Но если ты наконец согласишься сказать мне правду, то я бы хотел услышать твое настоящее имя.

— Тогда я могу признаться вам, что мое настоящее имя — Дорогой Господин.

— Великий Боже! Это воистину прекрасное имя. Есть ли у тебя еще какое-нибудь?

— Нет, господин, у меня никогда не было другого имени.

— Милостивый Боже! Я слышу необычные речи, удивительнее которых мне, право слово, еще не доводилось слышать, и вряд ли я когда-либо услышу нечто подобное!

Сказав это, рыцарь галопом умчался: ему не терпелось перехватить беглецов.

CCCLXIV

то до молодого человека,

то он без промедления вернулся в поместье, где жила его мать с сердцем, преисполненным скорби.

Как только она увидела сына, ее охватила радость, которую почтенная женщина не сумела скрыть. Любящая мать бросилась навстречу с возгласами: «Дорогой сын, дорогой сын!» И так более сотни раз. «Дорогой сын, мое сердце сжималось от тревоги из-за вашей задержки: я была в таком отчаянии, что, казалось, вот-вот умру. Где вы сегодня пропадали столь долго?»

— Где я был, моя госпожа? Я сейчас вам в точности опишу, ни в чем не сдукавив, поскольку мое сердце возликовало от того, что я увидел.

Не правда ли, вам было привычно повторять, что ангелы Господа Бога нашего так прекрасны, что никогда еще Природа не создавала столь дивных существ, и ничто в мире не может сравниться с ними красотой?

— Дорогой сын, еще раз подтверждаю вам это: да, я так говорила и повторяю снова.

— Молчите, матушка! Разве только что я не видел самых чудесных созданий из всех, живущих на этом свете? Они проследовали через Безлюдный Лес. Как по мне, то эти существа прекрасней, чем Бог и все Его ангелы.

СССХСV

мать обняла его,
говоря: «Дорогой сын, я доверила вас Господу, ведь я так дорожу вами. Думаю, вы встретили тех ангелов, которые, как жалуются люди, убивают все, к чему прикоснутся».

— Да нет же, матушка, ничего подобного. То были рыцари; они говорят, что таково их имя.

Мать лишилась чувств, как только возлюбленный сын произнес слово «рыцарь».

Когда, наконец, несчастная женщина очнулась, она произнесла с глубокой скорбью в голосе: «Увы, как неумолим рок! Ах, дорогой сын, я вообразила, что моя защита столь на-

дежна, что вы не то что никогда не увидите рыцаря, но даже не услышите о нем.

О, вы стали бы рыцарем, если бы Господу Богу нашему было угодно сохранить вашего отца и прочих верных друзей. На всех Островах Моря не было другого, столь доблестного и грозного рыцаря, как ваш отец, дорогой мой сын!

Можете быть уверены в том, что вам не придется краснеть ни за его происхождение, ни за мое, ибо я происхожу из лучших рыцарских семей этого края. В мои молодые годы, на всех Островах Моря не смогли бы сыскать девушки родовитей меня.

Но лучшие пали, ведь всем известно, что несчастья истребляют в первую очередь людей достойных, наделенных такими качествами, как честь и геройство. Злоба, позор и лень никогда не падут, это невозможно, но лучшие погибают в первую очередь.

Ваш отец, которого вы не знали, получил такую серьезную рану в причинное место, что превратился в немогущего калеку. Его обширные угодья, богатство, — все было потеряно: он стал бедняком.

После смерти Утерпендрагона, отца славного короля Артура, многие дворяне обнищали

и незаслуженно лишились наследства. Их земли были разорены, бедные люди унижены. Все, кто мог бежать, бежали.

Эта усадьба в Безлюдном Лесу принадлежала вашему отцу. Мы не знали, куда нам податься, а потому в спешке принесли его сюда на носилках. Что до вас, то вы были тогда несмышленьшим — от силы два года — и кормились моим молоком, и у меня были еще двое очень красивых сыновей.

CDLIX

огда ваши братья

выросли, они по совету отца и с его рекомендациями направились к двум королевским дворам, чтобы получить оружие и лошадей. Старший явился к королю Эскавалону, где служил столь блестяще, что был посвящен в рыцари. Другой, рожденный позже, состоял на службе у короля Бана де Гомерета.

В один и тот же день оба они были посвящены в рыцари, в один и тот же день отправились

домой, чтобы разделить эту радость со мной и отцом, который их так и не увидел.

Случилось, что, взяв в руки оружие, от оружия они и погибли. До сих пор я ношу в своем сердце скорбь и тоску. Старший после смерти выглядел ужасно: вороны выклевали ему глаза. Наши люди нашли обоих братьев.

Гибель сыновей разорвала сердце моего супруга, и я влачила горькую жизнь после его смерти. Вы стали моим единственным утешением, единственным богатством, поскольку никого более у меня не осталось. Только вас сохранил мне Господь для радости и надежды».

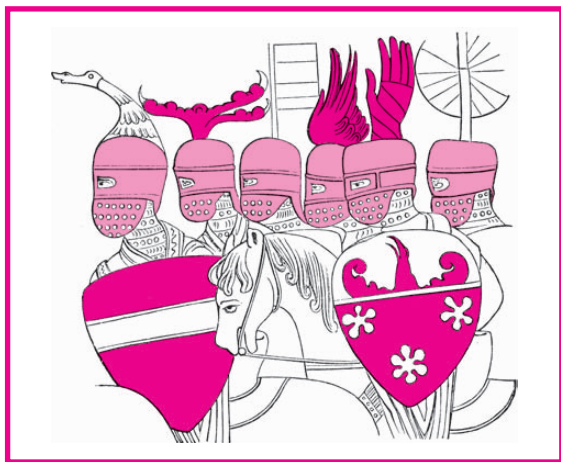

COLXXXIX

олодой человек

пропустил мимо ушей все, что она говорила. «Дайте мне поесть, не знаю, о чем вы тут рассуждаете. Но я добровольно пойду к королю, который посвящает в рыцари; да, пойду, нравится это кому-то или нет!»

Мать, как могла, оттягивала миг расставания, собирая сына в дорогу. Она снабдила его плотной рубахой из пеньки и штанами, сшитыми по моде валлийского края, где штаны и шаровары являются неотъемлемой деталью одежды. Дала и тунику с капюшоном из оленьей кожи, притороченным к горловине.

Тихо вещи складывать, обнимать; чтоб не видел слез — отводить глаза. Всякий сын сперва покидает мать. Ни на миг его задержать нельзя. Он горяч и юн. У него в крови эта страсть, что предками зажжена, эта жажда подвигов и любви. И всегда он там, где идет война. Раз трубит, а ты остаешься ждать, в горе воздух любви горячим ртом. Всякий сын всегда покидает мать, а потом возлюбленных, а потом...

DV

от так собирала его

в дорогу печальная мать, задержав лишь на три дня и не часом более, ибо любые увещевания оказались бесполезными. Глубокая печаль наполнила ее душу.

Обхватив шею сына руками и целуя его на прощанье, она сказала: «Мне так грустно, дорогой сын, расставаться с вами. Приехав ко двору короля, вы попросите его дать вам оружие. Отказа не будет, вы получите все, я уверена.

Но когда придет время пустить оружие в ход, что случится тогда? Вы ведь ни разу не пользовались им, даже не видели, как это делают другие: ну как вы собираетесь выкрутиться, ответьте?»

Боюсь, что все кончится очень скверно. Вы насмешите людей своей неуклюжестью, и это не странно, если делаешь то, чему никогда не учился. Но куда удивительней, когда не можешь усвоить то, что видишь и слышишь довольно часто.

Дорогой сын, хочу преподать вам один урок, который, может быть, пригодится, а если сподобитесь выучить его, то принесет вам немало благ.

Коль будет угодно Богу, совсем скоро вы станете рыцарем, отговаривать вас бесполезно. Если здесь либо в ином месте вы встретите женщину, нуждающуюся в помощи, или же девушку, пребывающую в растерянности, будьте готовы помочь им, если, конечно, они вас попросят, ибо таковы правила чести.

Кто не оказывает чести дамам, рано или поздно теряет свою собственную, и это неизбежно. Служите дамам и девушкам, и будете пользоваться всеобщим уважением. Но не вздумайте докучать той, которую вы полюбите; не совершайте поступков, какие могли бы ее рассердить.

Даже один поцелуй девушки сможет дать вам истинную усладу. Но коли она согласится на этот поцелуй, я запрещаю вам брать сверх того: откажитесь ради меня от прочих поползновений.

Если будет у нее кольцо на пальце или кошель у пояса, и если она вам подарит их в знак любви, я искренне обрадуюсь. Кольцо я принять разрешаю, можете взять и кошель.

Дорогой сын, еще я скажу вам вот что: ни в дороге, ни на постоялом дворе не оставайтесь долго возле незнакомца, не спросив его имени: лишь по имени можно узнать человека. Дружите и путешествуйте с людьми достойными, ибо

достойный человек не злоупотребит доверием тех, с кем ему выпало общаться.

Сверх того настоятельно прошу вас посещать церкви и монастыри, дабы молиться Господу нашему, Который вам даровал в этом мире честь и сопровождает вас повсюду».

— Матушка, что такое церковь?

— Место, где празднуют и служат во славу Того, Кто создал небо, а также землю, поселив на ней, сын мой, людей и животных.

— А монастырь, что это?

— Дитя мое, знаете: так называют красивый дом, который свят своими реликвиями и сокровищами. Там приносят в жертву тело Иисуса Христа, святого пророка; Его унизили евреи, предъявив несправедливые обвинения. Спаситель наш претерпел смертные муки за мужчин и женщин, чьи души отправлялись в ад после того, как покидали брнную плоть, а Он их освободил. Но какой ценой! Его привязали к столбу, били, затем распяли, и на Нем был терновый венец.

О, сын мой, вы должны любить Господа нашего, а потому я советую вам ходить в церковь и слушать мессы и заутрени.

— Ну что ж, теперь я с большой охотой буду посещать церкви и монастыри, обещаю вам, господа моя!

DXCIX

е задерживаясь

более, молодой человек высвободился из нежнейших объятий матери и вскочил в седло. Экипированный, согласно валлийской моде, юноша был обут в грубые башмаки.

Хочу заметить, что у него выработалась привычка — всякий раз брать с собой в дорогу три дротика, но на этот раз мать отняла два из них: слишком уж бросалось в глаза, что он валлиец. Она забрала бы и третий, но не посмела. В правой руке он держал хлыст, которым погонял лошадь.

Со слезами на глазах почтенная дама прижала сына к груди, целуя его и моля Бога хранить мальчика в пути. «Дорогой сын, пусть Господь сопровождает вас всюду и дарует вам больше радости, чем сейчас оставляет мне».

ОХХ

тѣхав на расстояние

брошенного камня, юноша обернулся и увидел, что его бедная мать замертво рухнула возле сходней подъемного моста. Но он лишь сильнее хлестнул по крупу свою лошадь, и она, не споткнувшись, помчалась аллюром, унося его от родного дома в бескрайний, дремучий лес.

Он скакал без отдыха с утра и до глубоких сумерек. Ночь путешественник провел в лесу, и крепкий молодой сон не покинул его, пока не забрезжил рассвет.

ОСХХХV

робудившись от

пения птиц, юноша вновь вскочил на коня и мчался до тех пор, пока не наткнулся на дивной красоты шатер, стоящий в чудесной долине

на берегу небольшой речки, скорее напоминающей ручей.

Шатер поражал роскошью: ярко-красный с одной стороны, зеленый — с другой, он пестрел лентами с причудливой вышивкой. Верхушку венчал горящий в лучах солнца пурпурный орел. Казалось, что, словно дневное светило, шатер озаряет окрестные заливные луга.

Вокруг этого сияющего великолепия располжились скромные шалаши из веток и обычные валлийские хижины.

Молодой человек направился к шатру и, остановившись в двух шагах от него, воскликнул: «Господь! Я набрел на Ваш дом, и будет большим грехом не зайти и не поклониться Вам. Вижу, что матушка моя ничуть не лукавила, рассказывая о красотах монастыря. Не буду пренебрегать ее советом и, пожалуй, войду, дабы воздать должное Создателю, в Которого верую. Честно говоря, не помешает мне попросить Его о какой-нибудь еде, ибо желудок мой пуст, как мешок нищего».

DCLXVII

атер оказался
незапертым; зашедший

в него юноша обнаружил стоящую посредине кровать, покрытую шелковым стеганым одеялом. На ней, раскинувшись, сладко спала красивая девушка; больше в шатре никого не было.

Разумеется, молодой валлиец не мог знать, что кое-кто отправился за свежими цветами, чтобы, следуя прихоти красавицы, усыпать ими шатер.

Когда юноша вошел, его лошадь, оставшись без присмотра, очевидно, наткнулась на одно из строений и при этом произвела такой оглушительный грохот, что спящая дева незамедлительно проснулась.

Не обученный изысканным манерам, молодой человек сказал: «Приветствую вас, коли вы не спите, ибо моя дорогая матушка приказала мне приветствовать девушек везде, где бы я их не встретил».

DCLXXXVII

расавица вздрогнула

при виде незнакомца, который показался ей еще и безумцем. Испуганная и растерянная, она взволнованно прокричала: «Скорей ступай своей дорогой, спасайся, пока мой возлюбленный сюда не вошел!»

— Ну нет, сперва я вас поцелую, даже если это кому-то не понравится! Так учила меня моя дорогая матушка.

— Уйди! Не смей ко мне прикасаться! — воскликнула девушка. — Беги, пока мой возлюбленный тебя не обнаружил, иначе из живого ты вскоре сделаешься мертвым!

DCC

отя руки у молодого

человека были отнюдь не слабыми, но, не имея

навыка в таких делах, схватил он ее довольно неловко и грубо подмял под себя. Дева яростно отбивалась, защищаясь, но все было напрасно.

Не трата времени на выяснение, хочет она того или нет, валиец поцеловал девушку не менее двух десятков раз, по крайней мере так утверждает рассказчик. Но тут юноша заметил на ее пальце кольцо со сверкающим изумрудом.

— Моя матушка, — сказал он, — велела мне взять у вас кольцо с условием, что более я не доставлю вам никаких неудобств. Давайте-ка сюда кольцо; не скрою, оно мне пришлось по душе!

— Мое кольцо?! Да ни за что на свете! — воскликнула девушка. — Разве что ты сорвешь его с пальца силой.

Молодой человек тут же схватил ее за руку, разжал слабые девичьи пальцы и, грубо сорвав кольцо, быстро нацепил его на свой безымянный.

— Будьте здоровы, юная дева! Теперь я вполне удовлетворен и могу уйти. Но хочу заметить, что целовать вас гораздо приятнее, нежели горничных в доме моей матушки, — у вас изо рта я не чую дурного запаха.

Заливаясь слезами, девушка взмолилась:

— Не забирай мое любимое колечко, у меня будет столько бед из-за этого! А что до тебя, так ты рано или поздно лишишься жизни, можешь не сомневаться.

Даже если мысли твои
чисты, и не думал дебу
задеть всерьез,— о, бал-
лиец юный, напрасно ты не бо-
ишься женских угроз и слез.
Скоро птицы в кронах густых
запрут, грянет гром Небесный,
призвав к борьбе, ибо силой от-
нятый изумруд, засверкав, при-
тянет беду к тебе. Но еще
и к дебе: она, бледней полотна,
глядит на тебя в упор, размы-
шляя, как оправдаться ей пе-
ред тем, кто скоро войдет
в шатер.

ДССХХХIV

олодой валлиен

выслушал ее угрозы равнодушно, ему было не до них, поскольку, оставаясь столько времени без съестного, он буквально умирал от голода. К счастью, на глаза ему попался бочонок, полный вина, а рядом с ним — серебряный кубок. Деловито оглядевшись, юноша заметил на охапке хвороста дорожную белоснежную скатерть.

Он тут же заглянул под нее: наградой ему были три свежайших, ароматных паштета из косули. Желудок юноши возликовал, поскольку голод терзал его всю. Разломив один из паштетов, он съел его быстро и с завидным аппетитом. После чего налил в кубок вина и опорожнил его частыми, большими глотками.

— Красавица, — позвал он, — пожалуй, один я не справлюсь с этими паштетами. Присоединяйтесь к трапезе, еда, можно сказать, отличная. Думаю, по одному пашкету на человека будет достаточно, а третий останется до лучших времен.

DCCLVI

о девишка рыдала,

не обращая внимания на его уговоры. Оставив юношу без ответа, она заливалась горячими слезами, заламывая в отчаянье руки.

Что касается валлийца, то он наелся до отвала и выпил ровно столько, чтобы жажда перестала его мучить. Отобедав, он прикрыл скатертью остатки трапезы и, намереваясь уйти, пожелал Божьего благословения плачущей девушке, увы, совсем не оценившей его любезного приветствия:

— Храни вас Господь! Помолитесь обо мне и, ради Бога, не жалейте о кольце, которое я увожу с собой. Клянусь, до того, как пасть смертью храбрых, я воздам вам за него сторицей! Теперь, с вашего позволения, мне пора уходить.

Но дева ответила, что не станет молиться за того, кто пробудил в ней стыд и отвращение.

— О! — плача, причитала она, — вряд ли найдется другая несчастная, что претерпела бы больше! Сколь долгой ни будет твоя жизнь, не видать

тебе от меня ни помощи, ни утешения. Да покарает тебя Господь: ты поступил со мною бесчестно!

ДССLXXXI

огда возлюбленный

девушки вернулся из леса, он застал ее в слезах и рыданиях. Заметив следы лошади, на которой умчался молодой валлиец, он страшно разозлился. А юная дева продолжала плакать и причитать.

— Душа моя, — сказал он, — судя по лошадиным следам, здесь был недавно какой-то рыцарь.

— Да нет же, сир, уверяю вас, это всего лишь молодой валлиец, назойливый, тупой и дурно воспитанный. Он вдоволь напился вашего вина и съел три ваших паштета.

— И такой-то пустяк, моя возлюбленная, вас расстроил? Мне не пришло бы в голову огорчаться, даже если б он выпил и съел абсолютно все.

— Дело не только в еде, сир, — всхлипнула она, — несносный невежа отнял у меня кольцо

и увез его. Лучше бы мне умереть, чем остаться без этого кольца! О, как болит мое измученное сердце!

ДСССIV

«естно говоря, наглей

перешел все границы! Ну да Бог с ним: увез так увез. Не следует плакать из-за кольца... Впрочем, подозреваю, что в мое отсутствие произошло и нечто иное. И если я прав, то вы обязаны рассказать мне все без утайки».

— Сир, — прошептала она, густо покраснев, — он поцеловал меня.

— Поцеловал?!

— Да, так случилось, но это произошло против моего желания.

— Признайтесь лучше, что его приставания доставили вам огромное удовольствие. Не сомневаюсь, что с вашей стороны не было и малейшего намека на отказ, — добавил рыцарь, охваченный ревностью. — Думаете, я вас не знаю? Прекрасно знаю, будьте уверены!

Я, слава Богу, не кривой и не косой, и вижу ваше лицемерие. Так вот, ничего у вас не выйдет, кроме одних неприятностей! Ваша лошадь не получит и горсти овса, пока я не буду отомщен, а если она потеряет подкову, ее не перекуют.

А случись, что ваша коняга издохнет, — вы будете плестись за мной пешком и не смените одежду, которая на вас, и придется вам трясти лохмотьями до тех пор, пока я не отрублю недядю голову. Иного наказания этот подлец не достоин!

ДССС
ХХХІІІ

кончив свой пылкий

монолог, рыцарь сел и молча принялся за еду.

А юный валлиец бодро скакал дальше, пока не наткнулся на угольщика, который брел за ослом, время от времени подталкивая упрямую скотину.

— Эй, славный мальй! да, именно ты, толкающий осла, укажи мне самую короткую дорогу

к Кардуэлу. Король Артур, — вот, с кем я хочу повидаться: он посвящает в рыцари, так мне о нем сказали.

— Юноша, — отвечал тот, — двигаясь в этом направлении, ты вскоре подъедешь к замку на берегу моря. Что до короля Артура, незнакомец, там ты его и найдешь, одновременно веселого и грустного. Если, конечно, сумеешь не сбиться с пути, который я указал.

— Хотелось бы мне понять, отчего это король и радостен, и грустен.

— Изволь, я тебе отвечу. Возглавив всех своих рыцарей, король Артур разгромил войска короля Риона. Отныне король Островов побежден, и это радует короля Артура. Но он зол на своих соратников, покинувших его.

Они возвратились в замки и стали жить припеваючи. Кто знает, как рыцари поведут себя дальше и что с ними будет. Вот по этой причине король наш и пребывает сейчас в печали.

DCCCLIX

Аллиен не проявил

ни малейшего интереса к новостям, услышанным от угольщика, приняв во внимание только дорогу, которую тот ему указал.

Вскоре юноша, и правда, увидел на взморье великолепный замок, высокий и неприступный. От восхищения юноша застыл как вкопанный, и тут из ворот выехал рыцарь в доспехах, держащий в руке золотую чашу.

Поводья, копье и щит он умудрялся удерживать в левой руке, золотая чаша сверкала у рыцаря в правой. Доспехи, которые невероятно шли ему, были ярко-красного цвета.

Заметив эти новые, словно с иголки, восхитительные доспехи, юноша, пришедший от них в полный восторг, изумленно ахнул: «Вот это да! Именно такие доспехи я и хочу попросить у короля. Коли он даст их мне, я стану самым счастливым человеком, и, будь я проклят, не надо мне ничего другого!»

DCCC
LXXIX

олодой валлиец

незамедлительно направился к замку, чтобы поскорее попасть ко двору короля Артура. Когда он поравнялся с рыцарем, тот, придержав своего скакуна, спросил: «Ответь-ка мне, друг, куда это ты направился?»

— Я хочу попасть ко двору, — объяснил юноша, — дабы попросить у короля оружие и доспехи.

— Пожалуй, ты прав. Поспешి туда и поскорее возвращайся. Но будь так любезен, передай своему королю следующее: хоть он и не считает эту землю моей, пусть либо вернет ее, либо пришлет кого-нибудь, дабы защитить ее от меня. Я же настаиваю на том, что она принадлежит мне.

А чтобы он тебе поверил, предъяви ему вот какое доказательство: несколько мгновений назад я унес прямо у него из-под носа эту чашу с вином, которое он пил, и теперь увожу ее с собой.

ДССС
□ХСVШ

о молодой человек

пропустил мимо ушей просьбу рыцаря: мысли его были заняты другим. «Придется рыцарю с чашей поискать себе другого посланника», — пробормотал торопящийся валиец.

Золотую чашу держа в руках, Алый Рыцарь в сторону не свернул. Вот тебе и встретился первый враг, но пока ты этого не смекнул. Скоро ты откроешь победы счет, и тебя признает придворный люд, потому что слава мужей влечет, как влечет крестьянина мирный труд. Побываешь там, где горчит вино, где порой вода солоней слезы, и другую Чашу увидишь, но... промолчу о ней, прикусив язык.

Он мчался, не зная отдыха, пока не достиг королевского двора. Рыцари уже собрались на трапезу в зале, который располагался внизу и был столь же длинен, сколь и широк. Юноша, без малейшего стеснения, въехал туда прямо на лошади.

Король Артур сидел за одним из столов, с краю, полностью погружившись в свои размышления. Что касается рыцарей, — они шумно веселились; и только печальный король оставался задумчив и тих.

Молодой человек приблизился к пирующим, но он еще не знал, кого следует приветствовать. Тогда ему навстречу поднялся Йонет, в руках у него был нож. «Ты, держащий в руке нож! — воскликнул валлиец, — покажи мне, кто среди вас король?»

Йонет, проявив должную учтивость, ответил: «Друг мой, он — там».

СМХХІІ

агриен решительно

направился к королю, дабы поприветствовать его на свой манер. Но задумчивый король, выслушав, не произнес ни слова. Юноша повторил приветствие, но король опять не удостоил его ответом.

«Сдается мне, — подумал восседающий на коне валлиец, — этот король никогда никого не посвящал в рыцари. Из него и слова-то не вытянешь, какое уж там посвящение!»

Намереваясь покинуть зал, он развернул назад лошадь, но, будучи дурно воспитан, позволил себе перед этим подъехать к королю слишком близко. И вот, истинная правда, он нечаянно сбил с короля шапку, и она шлепнулась на стол с яствами.

Король, мгновенно выйдя из оцепенения, поднял на юношу глаза и произнес: «Добро пожаловать, дорогой друг! Вижу, вас изрядно рассердило, что я не ответил на ваше приветствие. Всему виной грусть, снедающая меня.

Вы спросите, в чем причина моей печали? Все дело в лютом враге, которого я ненавижу, а он отвечает мне еще большей ненавистью. Только что негодяй заявлял тут о своих правах на мои земли. Да, враг настолько обезумел, что поклялся отобрать их у меня, не считаясь с моим желанием.

Его зовут Алый Рыцарь из леса Кинкеруа. Когда он ворвался сюда, напротив меня сидела королева. Она зашла приободрить и утешить моих рыцарей, раненных в последних боях. Клянусь, меня не смутили угрозы безумца, но он с такой злобой схватил стоявший передо мной кубок, что облил королеву вином, ибо тот был полон.

Все происшедшее было настолько грязным и грубым, что королева, с сердцем, пылающим от гнева, бросилась в свою комнату. О, друг мой, боюсь, что сейчас она при смерти, и я уже не надеюсь, Всемогущий Господь, что увижу ее живой».

CMLXVIII

а дерзкого валлийца

не произвел впечатления рассказ короля. Что же до боли и стыда королевы, то он посчитал это пустяками, не стоящими подробного обсуждения.

«Посвятите меня в рыцари, господин король, а то мне пора уезжать!» Глаза молодого дикаря светились радостью. Воистину, трудно было назвать его здравомыслящим, но все, как ни странно, нашли его красивым и благородным.

— Друг мой, — сказал король, — ты можешь спешиться и доверить лошадь этому слуге, он позаботится о ней должным образом. А мы, с Божьей помощью, сделаем все, что требуется, согласно моим представлениям о чести и для твоего блага.

На что упрямый валлиец тут же ему ответил:

— Но ведь рыцарь, которого я встретил, не был пешим, так чего это вы хотите, чтобы я спешился? Клянусь головой, моя нога не ступит на землю! К чему тянуть время, сделайте все, что нужно, и я поехал.

— Ну что ж, дорогой друг, вы получите желаемое во имя моей чести и для вашего блага.

— Клянусь верой, которой я обязан Создателю, господин король, понадобятся месяцы или годы, чтобы я смог стать рыцарем, если вы не дадите мне красные доспехи. Отдайте мне доспехи того, с кем я повстречался снаружи. Я толкую о рыцаре, который увез вашу золотую чашу.

MI

Дворецкого короля,
страдающего от полученного в бою ранения, привели в ярость дерзкие слова валлийца.

— Друг, — произнес он, — вы рассуждаете здраво. Догоните нашего врага и отнимите у него доспехи: они принадлежат вам. Полагаю, вы напрягли все свои умственные способности, чтобы добраться сюда.

— Кей, — возмутился король, — ради Бога, оставьте! Вы перегнули палку, шутя столь злобно. Достойный муж не взращивает в душе таких пороков. Если молодой человек слегка наивен,

это еще не значит, что он простолюдин. Думаю, что дурные манеры юноши — всего лишь следствие скверного воспитания.

Но у него есть возможность стать мудрым, честным и доблестным. Какая низость — насмехаться над ближним, давая пустые обещания. Человек чести не запятнает себя посулами, которые он не может или не хочет выполнить, и раздает лишь затем, чтобы не умножать врагов. Обещания требуют исполнения.

Лучше отказать человеку, чем внушать ложные надежды. Знайте, что лжец прежде всего обманывает и унижает себя, ибо порождает отчуждение в сердце друга.

МХХХІІІ

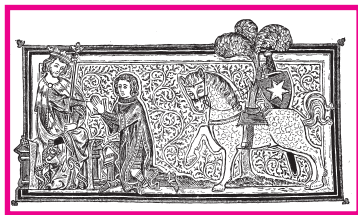
ока король бразутля

Кея, молодой человек, на-
вострившийся было убраться, заметил вдруг де-
вушку, красивую и грациозную. Он тут же поприветствовал ее столь учтиво, на сколь был способен.

Она рассмеялась в ответ и, не прекращая лукаво улыбаться, сказала: «Если вы посвятите свою жизнь служению королю, я нисколько не сомневаюсь, что в целом свете не смогут сыскать рыцаря достойнее вас. Вот, что я думаю, чего жду и во что свято верю».

Хочу заметить, что юная красавица не смеялась в течение шести лет. Слова же ее были произнесены так громко, что их услышали все. Кей сильно побледнел от гнева, настолько эта короткая речь вывела его из себя. Недолго думая, он отвесил нежнейшей щеке такую оплеуху, что девушка, не устояв на ногах, упала на пол.

Возвращаясь к столу, Кей наткнулся на шута, стоявшего возле камина, и злобным пинком отправил его в огонь. Гнев сенешаля объяснялся довольно просто: шут имел обыкновение время от времени повторять: «Девушка не засмеется до тех пор, пока не увидит того, кто станет лучшим среди рыцарей».

О, не значит вовсе, что тот дурак, кто надел с бубенчиками колпак. Иногда провидец или пророк — шут, что лихо делает кувырок. Так порой уродец людей смешил, так опасны стрелы его острот, что у многих в горле от слез першит, по щекам от страха струится пот. Увернувшись вовремя от хлыста, он перстом укажет на подлеца. Для того и держит король шута, чтобы тот личину срывал с лица.

MLXIII

ут вопил, дебушка

рыдала. А валлиец, которому все это изрядно поднадоело, отправился по следам Алого Рыцаря.

Йонету, знавшему все кратчайшие тропы, не терпелось первому принести новости в замок. Он спешно покинул общество и, тихонько выйдя из зала, углубился в цветущий сад. После чего, пробравшись потайным ходом, Йонет вскочил на коня и помчался туда, где, по его прикидкам, должен был находиться рыцарь.

Между тем юный валлиец бодрым аллюром приближался к врагу короля: ему не давала покоя мысль о чудесных доспехах.

Рыцарь ждал, поставив золотую чашу на крыльцо из серого камня. Остановившись на расстоянии, с которого всадник мог его слышать, юноша прокричал: «Сложите оружие, снимите ваши доспехи и никогда их более не надевайте! Таков приказ короля Артура».

Весьма озадаченный этой речью, рыцарь, взглянув на юношу, проворчал: «Неужто и впрямь нашелся безумец, решившийся поддержать короля? Если таковой собирается навестить меня, назовите его, не скрытничайте!»

— Вот дьявол, вы еще и насмехаетесь надо мной, господин рыцарь! Почему вы до сих пор стоите в принадлежащих мне доспехах? Немедленно снимите их, я вам повелеваю!

— Глупый юнец, довольно дерзить! Ответь-ка мне лучше: как зовут того бедолагу, что вознамерился сразиться со мной от имени короля?

— Господин рыцарь, поторопитесь-ка снять мои доспехи, иначе я сделаю это сам. Воистину, мне надоело ждать! И будьте уверены, я вас еще и поколочу, если вы не перестанете раздражать меня, изъясняясь в таком неприличном тоне!

МСИ

ыидя из себя, рыцарь
схватил двумя руками копьё и так двинул валлийцу древком между лопаток, что тот уткнулся

носом в шею лошади. От срама и боли юноша рассвирепел. Собрав всю силу, на какую он был способен, валиец метнул дротик, целя обидчику в глаз.

Рыцарь не успел закрыться щитом, и дротик, пробив глазницу, вошел ему в череп на такую глубину, что кровь вперемешку с мозгами хлынула из затылка. Не успев даже вскрикнуть, рыцарь опрокинулся навзничь, дернулся и, вытянувшись, замер.

Юноша слез с лошади, выдернул из глазницы побежденного дротик и через голову стащил с него щит. Правда, ему не удалось снять с рыцаря шлем и вынуть из ножен меч, который он достаточно бестолково дергал во все стороны.

Застав его за этим странным занятием, Йонет расхохотался.

— В чем дело, друг мой? — поинтересовался он. — Что это вы там копошитесь?

— Не знаю, что и сказать. Ваш король отдал мне эти доспехи; да, видно, придется резать убитого на куски, чтобы снять хоть что-нибудь. Сдается мне, они приросли к нему, словно шкура к мясу.

— Не изводите себя напрасно, — сказал Йонет, — если желаете, я расстегну их без малейших усилий.

— Ну, коли так, поторопитесь,— отвечал юноша,— и вручите мне доспехи поскорее.

MCXLVIII

онет довольно быстро

раздел и разул убитого. На рыцаре не осталось ни кольчуги, ни штанов, ни шлема на голове,— словом, ничего вообще. Но вот закавыка: молодой валлиец упорно не желал расставаться со своей одеждой.

Невзирая на долгие уговоры Йонета, он отверг удобную тунику из тончайшего шелка, которую Алый Рыцарь носил под кольчугой. Точно так же валлиец отказался снять грубые башмаки, что были на нем.

«Дьявол,— пробурчал он,— шутите вы, что ли? С чего это я должен менять добротную одежду, пошитую моей матушкой, на те пустяки, что были на этом рыцаре? Менять мою плотную пеньковую рубаху на некие лепестки, что пристало носить только женщине?!

Отдать крепкую тунику, которой любой дождь нипочем, за эту, что и малой капли не задержит? Да будет тысячекратно проклята глотка променявшего свою верную, привычную одежду на никчемные чужие обноски!»

МСLXXIII

е просто, ох как

не просто учить глупца! Несмотря на все уговоры, упрямый валлиец не взял ничего, кроме оружия и доспехов. Йонет зашнуровал ему шаровары и приладил к башмакам шпоры.

После чего помог натянуть кольчугу, лучше которой не было, затем, поверх специальной шапки, надел ему на голову шлем, оказавшийся юноше в самый раз. Затем рыцарь опоясал его мечом так, чтобы тот не сковывал движений.

Напоследок терпеливый Йонет показал валлийцу, как вставлять ногу в стремя боевого коня. Надо сказать, что юноша никогда не видел стре-

мян и не знал, что такое шпоры: до сего дня он пользовался лишь хвостотиной или, в лучшем случае, плетью.

Усадив юного невежду на коня, Йонет подал ему копьё и щит. На прощанье молодой человек сказал рыцарю: «Великодушный друг, возьмите мою лошадь для охоты. Клянусь, это отличная лошадь, но мне она уже не понадобится. Да не забудьте свезти королю его чашу и передать от меня привет. А той девушке, что схлопотала от Кея оплеуху, доложите: до того, как смерть настигнет меня, я приготовлю для нее блюдо мести по моему лучшему рецепту. Уверен: она им со вкусом насладится». В ответ Йонет пообещал вернуть чашу королю и передать сообщение, кому следует.

МССVII

а этом они

расстались и разъехались в разные стороны. Спустя некоторое время в зал, где пировали бароны, через парадную дверь вошел Йонет,

неся в руках золотую чашу. «Сир, — торжественно сказал он, — вот ваша чаша. Рыцарь, с которым вы недавно беседовали, возвращает вам ее».

— О каком рыцаре ты говоришь? — спросил король, по-прежнему пребывающий в дурном расположении духа.

— Именем Господа, сир, — отвечал Йонет, — я имею в виду отважного юношу, который только что вас покинул.

— Если я правильно понял, ты ведешь речь о молодом валлийце, просившем красные доспехи того негодяя, что покрыл меня позором?

— Да, сир, как раз о нем я и толкую.

— Но как же ты заполучил мою чашу? Неужто наглецу настолько пришелся по душе молодой валлиец, что он расстался с ней добровольно?

— Напротив, сир, дерзкий рыцарь дорого заплатил за чашу: юноша просто-напросто его прикончил.

— Неужели, мой верный друг?

— Сир, я говорю лишь о том, что произошло у меня на глазах. Я видел, как рыцарь ударил валлийца древком копья, чем ужасно его разозлил. Юноша же, в свою очередь, так удачно вонзил в него дротик сквозь прорезь в забрале, что из затылка мерзавца брызнули кровь и мозги. Клянусь вам, он тут же отдал Богу душу!

МССХL

приятно удивленный

король немедленно повернулся к сенешалу: «Ах, Кей, какой ущерб вы нанесли мне сегодня! Всему виной ваш злобный язык, наговоривший столько чепухи. Да-да, из-за него я только что потерял отважного рыцаря, оказавшего мне такую услугу.

— Сир,— обращаясь к королю, добавил Йонет,— юноша просил передать служанке королевы, той самой девушке, которую ударил Кей, что непременно отомстит за нее при первой же возможности, если сумеет избежать гибели.

MCCLII

ут, до сих пор

молча сидевший у огня,

подпрыгнул от радости, услышав эти слова, и через весь зал шустро засеменял к своему королю.

«О добрый господин, да спасет меня Всемогуший! Близится время событий, ужасных и жестоких. Скоро их будет так много, предрекаю, что Кей почувствует на собственной шкуре: себе на горе пускал он сегодня в ход руки и ноги, а также безумный и ядовитый язык. Не пройдет и сорока дней, как рыцарь отомстит ему за пинок, который я получил.

Дорого он заплатит и за пощечину, что отпустил этой безвинной девушке. Между локтем и плечом юноша ломает ему руку, которую Кей будет носить на перевязи не менее полугода. И это так же неизбежно, как смерть».

MCCLXXV

ророчество шута.

понятное дело, разозлило Кея: он буквально взорвался от ярости, на мгновение позабыв о присутствующих. Если бы не боязнь разозлить короля, гневный рыцарь прикончил бы шута на месте.

Что до короля, то он по-прежнему был безутешен и причитал: «Ах! Увы! В какую печаль вы ввергли меня сегодня! Когда бы мы научили этого храбреца пользоваться оружием и доспехами и управляться со щитом так же ловко, как и с копьем, из него бы, несомненно, вышел достойный рыцарь!

О бедняга! К чему ему оружие и все остальное? Случись беда, он даже не сумеет выхватить меч. Хоть юноша и на коне, но, повстречайся ему силач, и этот опытный враг непременно искалечит валлийца ради доспехов, а то и убьет вовсе.

А наш юнец и защититься не сможет, настолько он глуп и наивен. Вот и не доведется ему заплатить по счетам и выполнить свои обещания».

МСССІ

ак, с унынием на

лице, король заранее оплакивал молодого валлийца, но, поняв, что его причитания тщетны, вскоре умолк и успокоился.

...А юноша, между тем, не останавливаясь, пересек лесистую область, и перед ним открылась просторная равнина. Следуя дальше, он выехал на берег реки, ширина которой превышала дальность полета арбалетной стрелы, хотя вода после паводка уже вернулась в привычное русло.

Всаднику только и оставалось, что ехать вдоль речки. Попытка переправиться через нее вряд ли увенчалась бы успехом: река была глубокой и черной. К тому же течение в ней было намного быстрее, чем, скажем, в Луаре.

Итак, молодой валлиец скакал вдоль темной реки, пока не достиг скалистого утеса, вершина которого кренилась в сторону противоположного берега, а у подножия с шумом разбивались могучие волны.

На противоположном склоне, спускающемся к морю, расположился роскошный, хорошо укрепленный замок. Там, где начиналось устье, юноше пришлось повернуть налево, и тут перед ним предстали стройные башни замка.

Самая могучая и высокая башня расположилась посередке; солидный водосток перекрывал часть речного устья, где воды устремлялись к морю. Каждый из четырех углов стены венчала башня поменьше и пониже главной, но тем не менее крепкая и красивая.

Замок казался не только величественным, но и разумно устроенным. Перед этим небольшим, хорошо защищенным строением виднелся мост, сложенный из камней, скрепленных известью и песком. Высокий и надежный, он был снабжен бойницами с каждой стороны и башней в центре.

Один его край при необходимости поднимался. Казалось, мост был создан затем, чтобы исправно выполнять отведенную ему роль: днем это был переход, ночью — ворота.

МСССЛІ

приблизившись к

вышеописанному мосту, юноша увидел благо-
родной наружности человека, облаченного в гор-
ностаевое платье. Господин развлекался созер-
цанием вновь прибывшего. В руке, как того
требовали приличия, он держал трость. Чуть
погода к нему подошли двое молодых дворян
без накидок.

Юный валлиец, отлично усвоив уроки своей
благонравной родительницы, первым обратился
к стоящему на мосту господину:

— Сир, приветствую вас, как учила меня моя
любимая матушка!

— Благослови тебя Господь, дорогой брат! —
ответил дворянин, с первых же слов юноши оп-
ределивший, насколько тот простоват и наи-
вен. — Поведай, откуда ты прибыл?

— Я-то? Охотно отвечу: совсем недавно я по-
кинул двор короля Артура.

— И что ж ты там делал?

— Король посвятил меня в рыцари, даруй ему Бог побольше удачи!

— В рыцари? Да хранит меня Господь! Кто б мог подумать, что в сегодняшнем его положении он еще помнит обряды! Мнится мне, есть у него заботы поважнее, нежели посвящать кого-либо в рыцари. Кстати, ответь мне, о благородный брат, откуда ты взял эти доспехи и оружие?

— Ну что же, мне дал их король.

— Дал, говоришь? А как все это было?

Тогда юноша рассказал ему все, что вы уже знаете. А потому не буду повторяться, иначе вы станете зевать, а я заскучаю. Хороший рассказчик знает, как вредит порой многословие.

Выслушав историю валлийца, дворянин учтиво поинтересовался, умеет ли юноша управляться с боевым конем.

— Я заставляю его скакать по горам и по долам, как прежде принуждал это делать мою лошадь, на которой я охотился, когда жил в доме дорогой матушки.

— А как насчет оружия и доспехов, любезный друг? Они не доставляют вам хлопот?

— А что доспехи? Я, к примеру, умею их надевать и снимать. Меня обучил этому один человек, когда раздевал рыцаря, которого я при-

кончил. С тех пор я ношу их с превеликим удовольствием: они удобны, нигде не жмут и не мешают движению.

— О Боже, вы, право, приводите меня в восторг! — воскликнул дворянин. — Ну, так поведайте, если вам это не в тягость, что за нужда привела вас в наши края.

— Расскажу, сир, поскольку моя матушка твердила, что весьма полезно общаться с достойными людьми, советоваться с ними и верить их речам, ибо только тогда я буду в выигрыше.

MCXVII

дворянин ответил

ему: «Дорогой брат, да благословит Бог вашу матушку за то, что она дала вам такие здоровые напутствия! Но, кажется, вы желаете что-то добавить?»

— Так и есть.

— Что же?

— Только одно: приютите меня, коли можете, на эту ночь.

— Весьма охотно, — кивнул дворянин, — но при условии, что вы мне окажете небольшую услугу. Увидите, это обернется для вас великим благом.

— Какую услугу, сир?

— Вы должны следовать советам вашей матушки и доверять мне всецело.

— Правду сказать, я не против.

— Ну что же, тогда слезайте с коня.

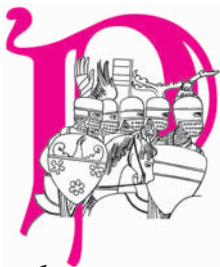
МСДХІХ

адлиец покорно

спешился. Один из двоих молодых людей, на деле оказавшихся слугами, принял у него коня, второй помог снять доспехи. На валлийце не осталось ничего, кроме его нелепой одежды, тяжелых башмаков и туники из оленьей шкуры, сшитой небрежно и не по размеру, полученной в дар от матери.

Дворянин нацепил острые стальные шпоры, которые до того были на юноше, вскочил на коня, повесил на шею щит и взял копье.

— Друг мой,— сказал он,— теперь учитесь пользоваться оружием и наблюдайте, как правильно держать копье, а также пришпоривать и придерживать своего коня.

МСО
XXVII

азвернув флажок,

дворянин показал, как нужно обращаться со щитом, чуть наклонив его вперед так, чтобы он слегка опирался на конскую шею. Затем опустил копье на специальную опору и пришпорил коня, стоимостью не менее ста золотых монет, ибо вряд ли можно было сыскать более послушного, быстрого и сильного.

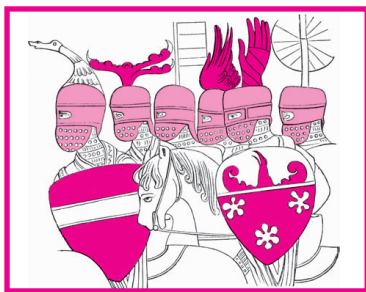
Дворянин орудовал щитом и копьем с завидным мастерством, ловко управляя конем, поскольку все это он усвоил с детства. Молодой человек наблюдал за его действиями с восторгом и живым интересом.

Продemonстрировав юноше недюжинное мастерство, дворянин подъехал к нему и, подняв вверх копьё, спросил: «Юный друг, а смогли бы вы столь же ловко орудовать копьём и щитом, прищпоривая и удерживая коня?»

Тот ответил, что теперь и дня не проживет спокойно, пока не научится обращаться с оружием так же скоро, и что даже владение землями и богатствами не заменит ему искусного мастерства.

«Можно научиться тому, чего не умеешь, если способен вложить в свое предприятие много труда и старания, любезный друг,— сказал дворянин юноше.— Всякое ремесло требует усилий, куража и опыта. Выполнив три этих условия, освоишь любое дело.

Коль сами вы никогда не свершали подобного, более того, не видели, как другой это делает, вы не заслуживаете ни насмешки, ни срама».

Н и к чему доспехи и верный конь, что летит в края, где всегда опасно, если не пылает в душе огонь — тот кураж, без коего все напрасно. Коль о неге, сытости и тепле ты делал с детства мечту простую, — по крутым горбам не трясись в седле, не вздымай коня, ибо все внистую. Выбирай, пока еще выбор есть: путь продолжить или от бурь укрыться, потому что дорого стоит честь для того, кого называют — рыцарь.

МCD
LXXIII

Ворянин быстро

спешился, помог юноше вскочить на коня, и вот уже молодой валлиец начал действовать копьем и щитом, демонстрируя такое умение, словно он целую жизнь провел на войне и турнирах, пройдя с боями и приключениями все известные доныне земли.

Этим умением наделила его природа, и, поскольку она вела его, а сердце юноши целиком отдавалось почетному занятию, все свершалось само собой, пока природа и сердце служили ему. Благодаря этой двойной поддержке, смелый ученик преуспел настолько, что восхищенный учитель тут же оценил способности валлийца: тот не имел бы себе равных, начини он упражняться чуть раньше.

Завершив круг, юноша подъехал к дворянину, держа копье наконечником вверх, в точности так, как прежде это делал наставник, и спросил его:

— Сир, правильно ли я действовал? Могу я надеяться на успех, если буду стараться и да-

лее? Клянусь, что ничего еще я не желал так страстно! Как бы мне хотелось сравняться в умении с вами!

— Друг мой, — растроганно отвечал наставник, — вы многому научитесь, верьте мне.

трижды садился в седло

дворянин, трижды показывал всевозможные тонкости, обучая тому, что знал и умел, пока не посчитал, что урок исчерпан.

Трижды он помогал юноше вскочить на коня. На третьем заходе наставник спросил вальдильца: «А если вам встретится рыцарь, который вас ударит, как вы поступите?»

— Я тоже его ударю.

— А если ваше копье сломается?

— Ну что же, тогда мне останется одно: действовать кулаками.

— В таком случае, вы поступите неправильно.

— А как правильно?

— Атаковать его с мечом в руке.

МОЖ

е теряя времени,

дворянин воткнул копьё в землю: ему не терпелось приступить к занятиям по владению мечом, чтобы юноша сумел воспользоваться им так же удачно, как и копьем, случись ему по-настоящему сразиться. Затем он вложил меч в широкую ладонь валлийца: «Знайте, вот этим вы и будете защищаться, если на вас нападут».

— В подобном деле, храни меня Господь, я преуспел изрядно, ибо так много упражнялся на чучелах куском доски, когда жил в доме моей матушки, что порой просто валился с ног от усталости!

— Тогда поспешим в дом, — сказал дворянин. — Если ваши слова правдивы, нам незачем тут оставаться. Кто бы что ни болтал, у вас будет отличная ночевка.

Бок о бок они направились к замку. По дороге молодой человек смущенно пробормотал:

— Сир, моя матушка учила, что не следует оставаться долго в компании кого бы то ни было,

не узнав его имени. Вот-вот, именно это она и говорила. Скажите мне ваше имя.

— Любезный друг,— отвечал ему дворянин,— я зовусь — Горнемант де Гор.

МОХЛИХ

завишись за руки,

ученик и наставник направились в замок. Едва они поднялись по ступеням, навстречу вышел слуга, держащий в руках короткую теплую накидку. Он поспешно облачил в нее гостя, опасаясь, что, будучи разгорячен упражнениями, тот простудится.

Жилище дворянина поразило валлийца роскошью и обилием прислуги, исполнительный и вышколенный. Для них быстро накрыли стол и уставили его разнообразными изысканными блюдами.

Рыцари, ополоснув руки, вознамерились приступить к трапезе. Дворянин усадил юношу рядом и положил ему еду в такую же миску, что

и себе. Что до количества и качества блюд, — мои описания бессильны. Скажу лишь, что ели и пили они вволю. Короче говоря, пиршество удалось на славу.

MDLXX

осле того как

разомлевшие рыцари встали из-за стола, дворянин, который, ко всему прочему, был сама учтивость, предложил юноше погостить у него не менее месяца. Он охотно оставил бы валлийца на год, если бы тот изъявил желание.

Этого времени, полагал рыцарь, как раз хватило бы для обучения юного дикаря многим необходимым вещам, которые весьма пригодились бы ему в дальнейшем.

Но юноша ответил: «Сир, мне, признаюсь, невдомек, далеко ли я нахожусь от поместья моей матушки или близко. Но молю Господа нашего направить меня к ней, чтоб я смог поскорей убедиться в ее добром здравии.

Проводив меня, она упала без чувств перед мостом возле наших ворот, и я не видел, что случилось с ней дальше. Мой внезапный отъезд надорвал ее нежное сердце, уж я-то знаю. Оттого, сир, я и не могу гостить у вас долго. Беспокойство о дорогой моей матушке велит мне спешить домой. Завтра, на рассвете, сдастся, я попрощаюсь с вами».

МОХСІІІ

Ворянин понял, что дальнейшие уговоры бесполезны, и оставил юношу в покое. Они тут же отправились спать, ибо кровати их были давно постелены.

Надо сказать, что на рассвете хозяин разбудил валлийца не без труда. Он принес юноше рубашку и штаны из тонкого полотна, шаровары красного цвета и шелковую фиолетовую тунику, сшитую в Индии.

МОСХХII

аш герой переоделся

довольно быстро, отложив в сторону то, чем когда-то одарила его дорогая матушка. После этого дворянин торжественно нацепил шпору на правую ногу юноши.

Таков был обычай: посвящающий в рыцари должен был надеть шпору на ногу человеку, проходящему обряд посвящения. На этом торжестве обычно присутствовали и другие молодые люди; каждый из них, если только представлялась такая возможность, помогал снаряжать посвящаемого в рыцари.

Дворянин взял меч, пристегнул его к поясу юноши, заключил последнего в объятия и сказал, что, вручив этот меч, он посвятил храброго валлийца в наивысший рыцарский орден из всех, когда-либо созданных и утвержденных милостью Самого Господа Бога, — орден, который не терпит никакой низости.

— Дорогой брат, — добавил он. — Если вам доведется сражаться с рыцарем (запомните это хорошенько), и противник, уже не в силах

защищаться и оказывать сопротивление, попросит у вас пощады, — не убивайте его ни в коем случае.

Остерегайтесь также излишней болтливости и не способствуйте распространению всяких слухов. Болтуну люди весьма легко могут приписать слова, порочащие его. Мудрецы учат нас: «Многословие — грех». Поэтому, друг мой, запрещаю вам говорить много.

Встречая на своем пути мужчин или женщин, оказавшихся в беде, спешите им на помощь, и вы прославитесь добрыми делами.

И вот еще одно условие, к которому прошу отнестись с уважением: посещайте храм, молитесь усердно Господу нашему, просите Его спасти вашу душу и сохранить вас на земле истинным христианином.

Суть не в том, чтоб ловко
сменить наряд и пройти
обряд. Ты усвой, простаки:
без нужды никому не говорят
те, на чьем щите есть особый
знак. На любом пиру не теряй
лица, а иначе ты для врага от-
крыт. Болтовня легко выдает
глупца, ибо тот, кто знает,—
не говорит. А не то в треску-
чем огне словес, словно щенка
тоненькая, горя, не расслы-
шишь весть, что тебе с небес
посылает Тот, Кто не мол-
вит зря.

MDCLXXI

аллиелу ответил:

— Да благословят вас все служители Апостольской Римской Церкви, великодушный сеньор, ибо вы произнесли те же слова, которыми напутствовала меня моя добрая и заботливая матушка.

— Никогда не говорите, дорогой брат,— произнес дворянин,— что вас научила этому ваша мать. Не считайте мои слова упреком, но отныне, окажите такую милость, переменитесь, ведь если будете повторять подобное и далее, вас посчитают безумцем.

— Что же я должен тогда говорить, дорогой сеньор?

— Вы можете объявить, что всему вас научил тот, кто надел вам на ногу шпору.

МДСХС

езжая, юноша пообещал,
что отныне будет сдержан и немногословен в беседах, поскольку убежден в том, что наставления получил верные и надежные. Дворянин же, заботливо перекрестив его на прощанье, сказал:
«Да хранит вас Господь! Ступайте с Богом, я вижу, вам не терпится отправиться в путь».

МДСХСІХ

обоиспеченный
рыцарь покинул гостеприимного хозяина, — ему хотелось поскорее прибыть к матери и убедиться, что она в добром здравии. Он немедленно углубился в лес, где всегда чувствовал себя в большей безопасности, нежели на открытой местности.

Надо сказать, что юноша даже не успел утомить коня: довольно скоро на пути возник неизвестный замок, надежно укрепленный и расположенный весьма удобно. Правда, вне стен этого гордого замка не было ничего, кроме моря, воды и песков. Молодой валлиец не стал медлить и вскоре добрался до ворот.

Но чтобы войти в замок, нужно было преодолеть столь хлипкий подвесной мост, что юноша на мгновение опешил, не представляя, как это ненадежное строение сможет выдержать его и боевого коня.

Тем не менее отважный рыцарь ступил на мост и, вопреки ожиданиям, одолел его без печальных последствий. Он подъехал на коне к воротам и увидел, что они заперты на ключ.

Не стал рыцарь тихонько стучать в ворота и слабым голосом звать хозяев; он забарабанил так сильно и завопил так оглушительно, что в большом окне мгновенно возникла худенькая, бледная девушка. Она спросила:

«Кто там стучит и орет?»

Юноша поднял глаза и, заметив ее, ответил:

— Знайте же, госпожа: я — рыцарь. Не могли бы вы устроить меня на ночлег в вашем прекрасном замке?

— Сударь, я окажу вам гостеприимство, хотя много радости вам это не доставит. Но мы со своей стороны постараемся принять гостя как можно лучше.

МДСС
ХХХV

ответив, девушка

отошла от окна, но молодой валиец, опасаясь долгого ожидания, вновь изо всех сил забарабанил в ворота. Появились четверо слуг; у каждого был на плече топор, а на поясе — меч. Слуги открыли ворота и сказали: «Входите, сударь!»

Юноша отметил про себя, что в хорошие времена люди эти, очевидно, были довольно красивы; но сейчас они выглядели истощенными и жалкими, словно пострадали от голода и бессонницы.

И если за стенами замка лежали необработанные и опустошенные земли, то и внутри все выглядело не лучшим образом.

Рыцарь с изумлением и ужасом взирал на безлюдные улицы и разрушенные дома; он не за-

метил там ни одного мужчины, ни одной женщины. В замке находились два монастыря; в одном прятались обезумевшие монахини, а в другом — напуганные монахи.

Не было ни пышного убранства, ни красивых занавесей на окнах, зато повсюду — стены с зияющими трещинами, башни без кровли, дома с распахнутыми настежь дверьми.

Юноша не увидел ни одной вертящейся мельницы, ни одной горячей печи, ни куска хлеба, ни лепешки; вообще ничего, что могло быть продано хоть за какие-то деньги. Запустение, в котором он застал замок, не сулило ему ни паштета, ни мяса, ни яблочного вина, ни пива.

MDCC
LXXIV

етверо слуг повели

рыцаря к большому дому с черепичной крышей, где помогли ему спешиться и снять оружие. Один из слуг спустился навстречу юноше по ступеням, ведущим в огромный зал, держа в руках

серую накидку, в которую он быстро облачил гостя.

Другой слуга отвел коня в конюшню, где отсутствовали лошади, а были только пшеница да сено, и то в небольших количествах. Остальные последовали за юношей в зал, оказавшийся неожиданно роскошным.

Два дворянина и девушка вышли ему навстречу. Дворяне были седовласыми, хотя унылая старость еще не взяла их в оборот. Они находились в том возрасте, когда мужчина должен быть наделен силой и духом, если его не изнурили ужасные бедствия.

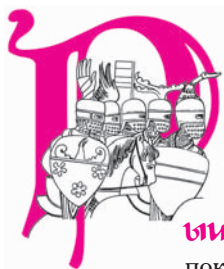
Что до девушки, то она двигалась грациозно и выглядела куда привлекательней ястреба или флюгера на крыше. Ее платье и накидка были сшиты из черного и пурпурного шелка, отделаны серым мехом, а горноста́й, которым была подбита накидка, еще не истерся. Воротник накидки украшали узкие полосы белого и черного соболя.

Если мне когда-либо доведется описывать красоту, которой Бог наделил женщину, я с наслаждением повторю слова, сказанные сейчас, не тающие в себе ни вымысла, ни преувеличения.

Ее волосы плавным потоком спадали на плечи: глядя на них, можно было подумать, что они из чистого золота, настолько ярким был этот блеск.

Ее лоб, белый, высокий, гладкий, казалось, выточен был резцом скульптора из камня, слоновой кости или дерева. Черные, вразлет, брови напоминали крылья, а глаза, смешливые, живые, миндалевидные, озаряли лицо.

Нос был прямым и тонким, а лицо, сквозь белизну которого просвечивал румянец, выглядело прекраснее, чем драгоценное изделие из перламутра и алого кварца. Бог сотворил такую красоту, чтобы поразить разум и сердце мужчины: никогда Он до этих пор не создавал подобного и не создаст вовеки.

МОСССХХХ

ыцарь, убидев дебуику,

поклонился, а она поприветствовала его так, как это водится у представительниц прекрасного пола. Красавица нежно взяла юношу за руку и сказала:

— Сударь, жилище, в котором вы проведете ночь, к несчастью, не из тех, где подобает останавливаться дворянину. Если я стану рассказы-

вать о нашем бедственном положении, вы можете подумать, что я говорю это из лукавства, пытаясь заставить вас покинуть мой замок. А потому заклинаю: примите все таким, каково оно есть, и пусть Господь предоставит вам завтра лучшее из лучшего!

MDCCCXLVI

девушка повела его

в комнату с расписным потолком, необычайно красивую, длинную и широкую. Они сели на покрытую шелковым одеялом кровать. Четверо, пятеро, нет, шестеро рыцарей вошли в комнату и расселись по двое, не проронив при этом ни слова.

Они внимательно изучали того, кто молча сидел рядом с юной красавицей. Наш валлиец воздерживался от разговоров, помня о совете, данном ему дворянином, а рыцари стали шепотом переговариваться между собой.

— Боже мой, — произносил по очереди каждый, — больше всего меня удивляет то, что этот

рыцарь немой. Он вполне подходит нашей госпоже, а она — ему. Если бы только они онемели оба. Эти двое прекрасны: никогда еще рыцарь и юная дама столь хорошо не смотрелись рядом. Словно Бог намеренно создал их друг для друга, и только ради того, чтобы они соединились.

MDCCC
LXXV

ыиари рассуждали,

а девушка все ждала, что гость хоть что-нибудь скажет, и наконец уразумела, что он не промолвит ни слова, если она не заговорит первой. Тогда красавица произнесла со всей любезностью, на какую была способна:

— Скажите, сударь, откуда вы сегодня были?

— Госпожа, я заночевал у дворянина, окружившего меня вниманием и заботой. В его замке пять стройных, могучих башен: одна большая и четыре поменьше. Я не в состоянии подробно описать сооружения и назвать имя замка, но точ-

но знаю, что дворянина зовут — благородный Горнемант де Гор.

— Ах, милый друг, как замечательна ваша речь, как вы изящно выразились! Пусть Бог, Властитель мира, вознаградит вас за то, что вы называли этого человека благородным! Ручаюсь, вы никогда еще не произносили столь справедливых слов. То, что Горнемант де Гор — дворянин во имя святого Рихера, могу подтвердить я, его племянница.

И хотя своего дядю я видела очень давно, — уверяю вас, что с тех пор, как вы покинули родной дом, вам не встречался человек умнее и благороднее. Рыцарь принял вас с добротой и щедростью, как умеет лишь он, дворянин могущественный, богатый и сильный.

А наши скудные припасы состоят из шести буханок хлеба и бурдюка с вином, — все, что один из моих дядьев, настоятель святого монастыря, человек милосердный и набожный, передал к ужину. Здесь нет иной дичи, кроме косули: утром один из слуг застрелил ее из лука.

МСМ
ХVІІІ

евушка велела

накрыть столы. Как только это было сделано, все присутствующие немедленно приступили к ужину. Недолго длилась их трапеза, зато поели они с большим аппетитом.

Затем каждый занялся своим делом. Одни стали готовиться ко сну, поскольку предыдущую ночь бодрствовали; другие покинули зал, чтобы нести ночной караул. Пятьдесят человек слуг и оруженосцев должны были в эту ночь охранять замок.

Остальные засуетились, дабы обеспечить удобства гостю. Чудесные простыни, роскошное одеяло, подушка под голову: вот, что приготовили слуги, занявшиеся устройством его ночлега.

Рыцарь получил в эту ночь все удовольствия и улады, которые может дать человеку кровать, за исключением того наслаждения, что могла бы подарить девушка, если бы у него возникло такое желание, или дама, если бы на то было получено разрешение.

Но всего этого юный валлиец не знал; мысли его были направлены в иную область, а потому вскоре он спокойно заснул, ни о чем не тревожась.

Сладко спи, виденья во сне
любви. Сколько места слева,
как пусто справа! Но вот-
вот услышишь ты зов любви,
ибо вечно рядом Любовь и Сла-
ва. Победить врага или пасть
в борьбе у тебя никто не от-
нимет права, если вдруг сверк-
нули в твоей судьбе две прекрас-
ных дамы — Любовь и Слава.
Лишь когда навеки уснешь, ус-
тав,— разбудить не смогут
тебя впервые вечной Славы
мраморные уста и Любви не-
гордой уста живые...

МСМХLV

Владелица замка

долго лежала без сна в своей спальне. Да-да, так и было: рыцарь уже давно пребывал в объятиях Морфея, а девушка размышляла, что нет у нее никакой возможности избежать войны, которую ей навязали. Красавица все время ворочалась, вскрикивала, металась и страдала, страдала, страдала.

В конце концов, набросив на тонкую ночную сорочку короткую накидку из яркого шелка, она решилась на отчаянное предприятие. Уверяю, совсем не пустяк подвигнул ее на это: девушка задумала поделиться своими бедами с гостем, надеясь, что он поможет.

Она вышла из комнаты, дрожа всем телом и покрываясь испариной. В слезах пробралась красавица к кровати, на которой глубоким сном спал юноша. С рыданиями и вздохами склонилась над ним девушка, а потом упала на колени, ничего не видя от слез, застеливших ее прекрасные глаза.

МММ
LXXI

ромкие рыдания

разбудили юношу, и, проснувшись, он с удивлением обнаружил, что его лицо стало мокрым от слез красавицы. А также и то, что девушка стоит возле кровати на коленях и обнимает его за шею. Разумеется, рыцарь тоже обнял ночную гостью и крепко прижал ее к груди.

— Госпожа моя, — спросил он, — чего вы хотите? Что вас сюда привело?

— Ах, благородный рыцарь, смилуйтесь надо мной! Во имя Господа нашего и Сына Его, умоляю вас, не презирайте меня за то, что я пришла к вам. Хотя мой наряд и выглядит легкомысленным, я ни о чем таком даже не помышляю.

Могу ли я думать о дурном и о низменном? Ведь в мире нет создания, более печального и несчастного, чем я. Знайте: я — жертва, и не будет у меня иной ночи, чем эта, другого дня,

кроме завтрашнего, — мне придется наложить на себя руки. Из трехсот рыцарей, защищавших наш замок, осталось только пятьдесят; остальных жестокий рыцарь Ангингерон, сенешаль из Шамаде д'Иль, увел с собой, убил или взял в плен.

Я оплакиваю плененных так же, как и убитых, ибо уверена, что не выбертсья им живыми. Столько дворян простилось с жизнью ради меня, что я впала в отчаянье.

Ангингерон всю зиму и все лето осаждал замок, не отступив ни на шаг. Его армия пополнялась, а наше воинство уменьшалось. Припасы иссякли: тем, что осталось, не накормишь даже пчелу.

Если завтра нам не поможет Бог, замок придется сдать без боя, а меня возьмут в плен. Но клянусь, что живой я не дамсья, лучше — смерть! Он сможет пленить только мой труп; мне будет уже все равно.

Кламадэ, который хвастался, что возьмет меня, получит лишь тело, лишенное души и жизни. На этот случай я храню в ларце кинжал, отлитый из булатной стали, он и пронзит мое сердце. Вот и все, что я хотела сказать вам. Теперь возвращусь к себе; простите, что осмелилась потревожить вас среди ночи.

ММХХХ
VIII

олодой баллием.

ответил плачущей девушке:

— О, красавица, улыбнитесь, не падайте духом, осушите слезы. Бог, ежели Ему будет угодно, сделает завтрашний день радостней, чем вы ожидали. Прилягте рядом со мной на кровать, она достаточно широка для нас обоих. Проведите со мной эту ночь.

— Если ваше желание таково, я покорюсь ему.

Он целовал ее, заключив в объятия, он ласкал ее под одеялом страстно, но чрезвычайно нежно. Что до хозяйки замка, то она принимала его поцелуи безропотно, и не думаю, что они ей очень досаждали. Так эти двое и пролежали всю ночь рядом, уста к уста, до свежей утренней зари.

ММЛХVII

очь подарила ей

столько утешенья, а ему столько наслажденья, что они не разомкнули объятий и губ до самого утра. Только на заре девушка пробралась в свою комнату, оделась без помощи прислуги и привела себя в порядок, стараясь никого не разбудить.

Рыцари, стоявшие на посту в течение ночи, — как только наступил день, подняли с постели спящих соратников, и те незамедлительно подчинились. А девушка вернулась к возлюбленному и учтиво сказала:

— Сударь, пусть Господь подарит вам счастливый день! Уверена, вы здесь не задержитесь. В самом деле, к чему попусту тратить время! Ваш уход не удивит меня и не расстроит. Я была бы нелюбезной хозяйкой, если бы позволила

себе опечалиться: мы предоставили вам слишком скромный ночлег. Но молю Бога, чтобы Он подарил вам лучший кров, где вы найдете больше хлеба, соли и всего того, что недополучили здесь.

— Милая госпожа, — отвечал он, — я не стану искать новый кров, пока не верну вашим землям покой, если это будет мне по силам. Гнев охватывает меня при мысли, что я увижу вашего врага вблизи замка, ведь я знаю, что он принес вам ужасные страдания. Но если я одержу над ним победу и убью его, мне нужна лишь одна плата — ваша любовь. Иной награды я не желаю.

И все же хорошенько подумайте: стоит ли моя любовь вашей смерти. Если вы погибнете, я буду

вне себя от горя, ведь вы не столь крепки и к тому же слишком молоды, чтобы справиться с таким жестоким, сильным и высоким рыцарем, как тот, кто ожидает вас за воротами замка.

— Поединок состоится сегодня же, — гордо сказал юноша, — я не откажусь от него ни при каких обстоятельствах!

ММС
XXVIII

онянно, что она

пыталась ввести его в заблуждение, отсоветовать ему выполнить то, к чему всей душою стремилась. Люди часто стараются скрыть собственные желания, когда находится человек, готовый осуществить их. Они делают это затем, чтобы подстегнуть его, превратить тлеющий уголек в пожар.

Красавица действовала умело, поскольку мгновенно убедила пылкого валлийца сделать то, чего на словах вовсе не советовала ему делать.

Что до юноши, то он попросил, чтобы ему вернули оружие, и это было исполнено. Слуги открыли ворота и усадили его на оседланного коня, ожидавшего на площади. Не было человека, который бы не тревожился и не говорил:

— Сударь, да поможет вам Бог, и пусть в этот день Он назовет беду на сенешаля Ангингерона, разорившего город!

ММСЛ

ти слова повторяли

все мужчины и женщины, провожавшие рыцаря. Когда он оказался за воротами замка, горожане воскликнули в один голос:

— О храбрый рыцарь, пусть крест, на котором страдал Господь наш Иисус Христос, сегодня отведет от вас смерть, горе, тюрьму и вернет вас в здравии туда, где ожидают радость и наслаждение!

Скоро, скоро ты просла-
вишься, рыцарь! И мы бу-
дем молиться, чтоб, от-
бросив сомненья, проявил ты
уменье в самом дерзком бою;
чтоб, врага сокрушая, ты сра-
зил сенешаля. Ибо так пожелала
та, что слезы роняла на по-
душечку твою. Деви голосу внимая,
ты спасешь ее земли, не отдав
подлецу ту, что, плача, грожа-
ла и лицо приближала к твое-
му лицу.

ММСLXI

от так молились

жители за своего защитника. Когда солдаты вражеской армии увидели, что юноша приближается, они указали на него Ангингерону, сидевшему в это время перед шатром в ожидании, что ему еще до наступления ночи либо сдадут замок, либо кто-нибудь из него выйдет, чтобы сразиться.

Рыцарь даже успел обуться. Его приближенные заранее ликовали, представляя себя победителями. Ангингерон, увидев юношу, спешно вооружился и поскакал к нему на сильном, холеном коне. Он крикнул:

— Юноша! кто направил тебя сюда? Скажи мне, с чем ты пришел: с миром или с войной?

— А ты-то что делаешь у этого замка? — спросил храбрый валлиец. — Отвечай первым. Зачем ты убил рыцарей и разорил земли?

Ангингерон ответил самоуверенно и нагло:

— Я хочу, чтобы мне сегодня же сдали замок и вернули башню, в чем так долго отказывали. А моему господину, конечно, достанется девушка.

— Да будут прокляты твои слова, — воскликнул юноша, — а с ними тот, кто их произнес! Тебе придется отказаться от всех своих требований!

— Святой Петр! Все это — пустая болтовня, — изрек Ангингерон. — Что ж, за чужие грехи часто платит невинный.

ММСХСVII

ернение молодого

человека иссякло. Противники схватили копья и кинулись друг к другу, сменив слова на действия. Каждый держал копье из ясеня с острым наконечником и удобный, крепкий щит. Лошади были резвыми, а рыцари храбрыми. Смертельная ненависть полыхнула между ними, как пламя.

Они с такой силой ударили копьями, что щиты разлетелись в щепки, как, впрочем, и копья, и рыцари рухнули наземь. Но противники сразу же вскочили на коней и молча продолжили схватку, превзойдя в свирепости диких кабанов. Они долго бились, пробивая кольчуги друг друга и подстегивая своих лошадей.

Охваченные гневом, рыцари сражались до последнего. Упал Ангингерон; все его тело было в ранах, а рука и бедро обильно кровоточили. Юный валлиец спешил, не желая атаковать поверженного, когда сам в седле. Спрыгнув на землю, он выхватил меч и бросился к врагу, который уже пришел в себя и встал на ноги.

Можно долго рассказывать о том, что делал каждый, об ударах, которые один наносил другому. Но важно следующее: бой длился несколько часов, и никто из рыцарей не желал отступить.

Наконец Ангингерон упал, и валлиец набросился на него так стремительно, что поверженный попросил пощады. Сначала юный герой ответил, что об этом не может быть и речи. Но тут же он вспомнил заповедь благородного дворянина: нельзя убивать рыцаря, которого победил в бою.

ММССХLIII

нгингерон сказал:

— Я верю, ты не так жесток, чтобы не сжалиться надо мной. Победа на твоей стороне, ты — очень храбрый рыцарь. И все же не настолько, чтобы кто-либо, не будучи свидетелем сражения и не зная нас обоих, поверил, что ты сразил меня в поединке лишь с помощью своего оружия, без постороннего вмешательства.

Но если я засвидетельствую, что ты победил меня силой своего оружия на глазах у моих людей, прямо перед моим шатром, — мне поверят.

Тогда твоя слава разлетится по свету и затмит славу прочих.

Коль есть у тебя господин, сделавший тебе добро, но еще не получивший награду за свое великодушие, отправь меня к нему. Я обращусь к этому человеку от твоего имени и, рассказав, что ты победил меня силой своего оружия, сдамся на его милость.

— Да будет проклят тот, кто потребует большего! Знаешь ли, куда ты отправишься? В известный тебе замок, и скажешь красавице, милой моей подруге, что больше не станешь вторгаться на ее земли. И пусть она решит, как поступить с тобой дальше.

— Лучше добей меня! — простонал побежденный, — я уверен, она прикажет, чтобы меня казнили. Ничего эта девушка не желает так сильно, как моей смерти. Ей сладостно будет видеть мои муки, ведь я присутствовал при смерти ее отца, убивал или уводил в плен ее рыцарей.

В каком ужасном положении я окажусь, если мне придется ей сдаться! Более страшного наказания я не знаю. Коль есть у тебя друг или иная женщина, отправь меня к ним при условии, что они не причинят мне зла. А эта госпожа отнимет у меня жизнь, если я попаду к ней в руки, нисколько не сомневаюсь.

ММСХСІІ

одумаб, юноша

велел ему ехать в замок дворянина, имя которого тут же произнес. Нет в мире такого каменщика, что описал бы внешний вид замка подробнее, нежели наш герой. Юный валлиец так красноречиво воспел реку, мост, башни и стены, окружающие главную башню, что рыцарь окончательно убедился: его хотят отправить в то место, где он вызывал наибольшую ненависть.

— Не верю я, что окажусь в безопасности там, куда ты меня направляешь. Да поможет мне Бог! Ты хочешь моей гибели, посылаешь к моим врагам! Знай же, что на войне я убил одного из братьев этого самого рыцаря. Милосердней убить побежденного сразу, чем направлять туда, где его ожидает смерть.

— Ладно! Тогда пойдешь к королю Артуру, поприветствуешь его от меня. Пусть он покажет тебе ту, которую ударил Кей за то, что, увидев меня, она улыбнулась. Ей ты и сдашься в плен, сказав, что я молю Бога не призывать меня к Себе, пока не отомщу за нее.

ММСССХХIV

нэингерон ответил,

что эту услугу он окажет с немалым удовольствием. После чего победитель вернулся в замок, а побежденный отправился в свою тюрьму, унося с собой знамена. Вражеская армия сняла осаду, и никого не осталось под стенами — ни блондина, ни брюнета.

Жители замка в радости выбежали навстречу победителю, но их изрядно огорчило, что побежденному не отрубили голову. Окружив юного валлийца, они помогли ему спешиться и снять на пороге оружие.

— Сударь,— спросили горожане,— если вы не захотели привести сюда Ангингерона, то почему не отрубили ему голову?

— Воистину, господа,— произнес рыцарь,— я поступил бы нехорошо, сделав это. Коль он убил ваших родичей, я не смог бы обеспечить ему безопасность: вы казнили бы вашего врага против моей воли. Грош мне цена, если бы, победив, я не помиловал побежденного. Сказать вам, в чем заключается помилование? Он сдастся в плен королю Артуру, если, конечно, сдержит свое слово.

ММСССCLIV

аго ли говорить,

как возликовала молодая госпожа, увидев храброго валлийца? Она тут же повлекла его в свои покои, чтобы герой смог отдохнуть после столь важного сражения. Ей и в голову не пришло противиться его объятиям и поцелуям. Вместо того чтобы пить и есть, влюбленные, забыв обо всем, обменивались нежными ласками.

А в это время Кламадэ, охваченный безумной радостью, приближался к стенам замка, полагая, что овладел им без боя. Но на пути ему встретился полный скорби юнец, горько оплакивающий поражение сенешаля Ангингерона.

— Боже мой, сударь, дела наши плохи! — воскликнул молодой человек и, вне себя от горя, вырвал из своей головы клоч волос.

— Что тебя так опечалило? — спросил его Кламадэ.

— О сударь, — вздохнул несчастный юнец, — ваш сенешаль проиграл сражение и сдастся в плен королю Артуру, к которому его направили.

— Кто это сделал, ответь, как такое могло случиться? Откуда же взялся рыцарь, способный заставить отчаянного храбреца признать себя побежденным?

— Дорогой сеньор, — отвечал тот, — не знаю имени этого рыцаря, но, к несчастью, я видел, как он вышел из Борепера, облаченный в золотую кольчугу.

— Что же ты мне посоветуешь? — спросил Кламадэ, нахмурившись.

— Что я могу сказать, сударь? Возвращайтесь домой. Коль решитесь идти дальше, вам от этого пользы не будет.

ММССС
ХСIII

лова молодого

человека услышал седовласый рыцарь, у которого когда-то был в подчинении Кламадэ.

— Нет, друг мой, — вмешался он, — ты говоришь чепуху. Он нуждается в более мудром совете. Поверив тебе, сенешаль поступит, как безумец. Но я-то надеюсь, что он возвращаться не станет. Сударь, — добавил седовласый мудрец, — хотите вы знать, как можно одолеть рыцаря и взять замок? Я вам подскажу, ибо сделать это совсем не трудно.

За стенами Борепера нет ни воды, ни пищи; рыцари ослабели. А мы находимся в добром здравии и крепки; нам не холодно и не голодно. А значит, мы сможем выдержать схватку, если те, находящиеся в крепости, осмелятся сражаться.

Мы поставим двадцать воинов перед воротами, дабы вынудить врагов на бой.

Рыцарь, который сейчас наслаждается Бланшфлор, нежной его подругой, захочет проявить героизм в большей степени, чем в состоянии это сделать. Он будет захвачен нами или убит, поскольку ослабевшие от голода защитники замка не придут к нему на помощь. Наши двадцать рыцарей станут для них приманкой, а мы, пересекая долину, набросимся на противников, обойдя их сзади.

— Мудрый человек! — вскричал Кламадэ, — мне по душе совет, который вы дали. У нас здесь пятьсот храбрых рыцарей, вооруженных с головы до ног, и тысяча солдат, отлично экипированных. Уверен: мы захватим врагов, как жалких деревянных кукол.

Хоть хитер советчик порой, но все ж знать ему воистину не дано, для кого судьба приготовит нож, а кому хмельное нальет вино. Присягаю в том, что не видит он дальше носа собственного, твердя, что один с коня упадет, сражен, а другой воспрянет, на трон взойдя. Возомнил пророком себя? — Так пусть верит тот, в ком дух поборола плоть. Но когда советчик вопит: «Клянусь!», на него с улыбкой глядит Господь.

ММСД
XXIV

няв доброте совету.

Кламадэ отправил к замку двадцать рыцарей, развернувших свои знамена. Когда осажденные увидели их, они широко распахнули ворота: такова была воля юного валлийца, возглавившего отряд рыцарей, чтобы сразиться с врагом.

Он был смелым, могучим и пылким воином, а потому напал на них первым. Но и его противника нельзя было назвать новичком в бою. В этот день копье молодого рыцаря пронзило не одну человеческую грудь. Одному он попал в живот, другому — в сердце, третьему сломал руку, а четвертому — ключицу.

Отважный валлиец разил, ранил, валил на-земь, брал в плен; он отдавал лошадей пленников тем, кто в них нуждался. Но вдруг защитники замка заметили приближающееся огромное

войско. Оно двигалось через долину: пятьсот рыцарей, все как один, могучие, и тысяча солдат, появившихся внезапно: когда воины от важного валлийца сражались возле распахнутых ворот. Увидев раненых и мертвых, разъяренные враги толпой бросились к воротам, но осажденные встретили противника плотным неколебимым строем.

Увы, они были немногочисленны и ослаблены, тогда как силы врага увеличивали солдаты, идущие за рыцарями.

Защитники не смогли сдержать натиска нападающих и отступили. Лучники на стенах стреляли в штурмующих замок, охваченных нестерпимым желанием ворваться и захватить его. Отряд рыцарей стремительно рванулся к воротам, но защитники опустили решетку и за миг истребили тех, кто в тот момент под ней оказался.

Никогда Кламадэ не доводилось видеть столь ужасного зрелища. Бесчисленное количество его людей полегло. Защитникам удалось отстоять свою твердыню. Кламадэ пришлось прекратить сражение: слишком поспешный штурм провалился. Тогда седовласый советчик сказал ему:

«

ММСОХСII

ударь, если дворянина

постигла неудача, в том нет ничего зазорного. То воля и желание Господа нашего, посылающего человеку либо счастье, либо горе. Вы потерпели поражение, это очевидно, но нет такого святого, чей день не празднуется.

На вас обрушилось несчастье, ваши люди пострадали, а те, что внутри замка, выиграли. Но и от них должна отвернуться удача, знайте это. Выколите мне глаза, если они продержатся больше двух дней.

Замок и центральная башня будут вашими, потому что скоро враги сдадутся. Коль вы не отступите, — замок покорится, если не сегодня, то уж завтра наверняка. А та, что так долго вам отказывала, будет, в свою очередь, молить вас во имя Господа жениться на ней!»

ММОХII

огда воины Кламадэ, прибывшие с шатрами, разбили их, а прочие устроились, как сумели. Между тем защитники замка разоружили пленников, не заточая их в темницу и не обременяя железными оковами при условии, что те обязуются как истинные рыцари держать благородное слово и не пытаться вредить победителям. Вот каким было положение вещей для всех, находящихся внутри замка.

ММОХIV

тот же день при попутном ветре и по Божьей воле к пристани перед замком причалил корабль, груженный пшеницей и всяким другим провиантом. Осажденные тут же направили к судну своих людей,

чтобы узнать кто прибыл и с какой целью. Гонцы спешно спустились к прибывшему судну и задали предписанные вопросы.

— Мы — купцы, — отвечали на корабле, — и привезли продукты для продажи: хлеб, вино, ветчину. Кроме того — быков и свиней в таком количестве, что в случае необходимости десяток-другой можно и зарезать.

Посланники осажденных возликовали:

— Да благословим Того, Кто придал ветру силу, позволившую прибыть кораблю вовремя. Добро пожаловать, торговцы! Выгружайте ваши товары: все будет куплено по цене, которую вы назначите, какой бы высокой она ни была.

Поспешите взять то, что вам положено: понадобится немало времени и умения, чтобы пересчитать серебряные слитки, полученные от нас за пшеницу, вино и мясо. Ими вы заполните целую повозку, и не одну, если потребуется.

ММДLVI

делка между

покупателями и продавцами совершилась довольно быстро. Купцы разгрузили корабль и направили свой товар для поддержания сил тех, кто оставался в замке.

Трудно описать радость осажденных, когда они увидели доставленные продукты, но мы легко представим себе быстроту, с которой они приступили к приготовлению пищи.

Теперь Кламадэ мог до скончания дней осаждать крепость и рыскать в ее окрестностях: у защитников замка были и быки, и свиньи, и вяленого мяса в достатке, а пшеницы хватило бы до следующего года.

Повара не предавались лени, пока слуги разводили огонь в печах, дабы приготовить трапезу. Что касается храброго валлийца, то он мог всю наслаждаться обществом своей дивной подруги. Она обняла его, он поцеловал ее с нежностью, поток счастья омыл обоих.

А в большом зале было шумно, кругом царило ликование, запах еды плыл ароматным облаком, щекоча ноздри. Повара суетились не напрасно и вскоре сумели накормить всех, кто в этом нуждался.

ММО
LXXXV

осле обильной

трапезы люди встали из-за стола веселыми. А вот Кламадэ и его воинов охватила досада, пронзила горечь. Они проклинали удачу, выпавшую осажденным; они размышляли, не снять ли им осаду, коль голод уже не грозит защитникам замка; они сомневались в благополучном исходе своей затеи.

И тогда Кламадэ, вне себя от гнева, ни у кого не спросив совета, направил в замок гонца с посланием к рыцарю в золотой кольчуге. Он предложил юному храбрецу в полдень следующего дня встретиться в поединке, если, конечно, тот на это отважится.

Услышав о вызове, переданном ее другу, девушка приуныла и запечалилась. И это понятно, ведь ее верный рыцарь ответил Кламадэ, что ничто на свете не помешает ему сразиться. Горе девушки стало вдвойне горьким, но, несмотря на ее слезы, отважный валлиец не собирался отсиживаться в замке.

Все женщины замка и все мужчины убеждали героя не драться с рыцарем, которого не сумел победить еще ни один смельчак.

— Уговоры напрасны, — отвечал юноша, — никто и ничто не заставит меня отступить от принятого решения.

ММДСХVIII

он сумел настоять

на своем: люди прекратили увещевания и стали готовиться ко сну, намереваясь предаться отдыху до самого восхода солнца. Разумеется, все они были огорчены, что не смогли уговорить своего защитника отказаться от поединка, что старания их не привели ни к чему.

А молодая хозяйка всю ночь умоляла рыцаря отменить сражение: зачем искушать судьбу, если можно спокойно жить в замке, не боясь ни Кламадэ, ни его приспешников? Но ее упорные попытки не увенчались успехом, невзирая на то что искустельные речи сопровождались нежностью, ибо при каждом слове она сладко целовала возлюбленного, открывая ключом любви его сердце.

Как бы там ни было, рыцарь добился своего и потребовал немедленно доставить ему оружие. Юношу снаряжали в бой с глубокой печалью. Уныние охватило замок, который храбрый валиец покинул весьма поспешно, оставив народ в слезах и во власти горя.

ММОСЛИИ

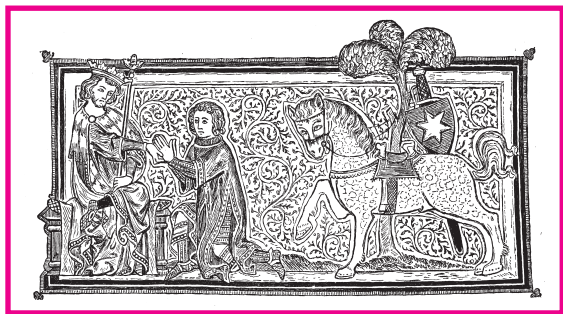
огда Кламадэ,

вызвавший рыцаря на поединок, заметил, что тот приближается, воображение его разыгралось: он уже видел, как лихо выбивает из седла ненавистного противника.

В поле, залитом утренним светом, кроме них не было никого: Кламадэ отпустил всех своих воинов. Каждый уперся копьём в ленчик седла, и без единого слова они бросились друг на друга. Каждый твердо сжимал в руке толстое ясеневое копьё с острым наконечником.

Горячие кони рвались из узды. Могучими были рыцари, смертельно ненавидящие друг друга. Они с такой силой ударили в щиты, что щиты треснули, копья сломались, а сами противники упали на землю, но тут же вскочили, дабы продолжить жестокую схватку. В бой вступили мечи, принося удачу то одному, то другому.

Я мог бы привести вам подробное описание битвы, но к чему утруждать перо, если давно уже известно, что одним словом можно выразить то же, что и двумя десятками.

ММDC
LXXXII

сход битвы был

предопределен. Вскоре Кламадэ, вопреки своему желанию, признал себя побежденным и согласился исполнить волю победителя, как в свое время это сделал господин сенешаль.

Но он тоже поставил условие, что от него не потребуют сдаться в плен хозяйке Борепера, и что даже за все золото Рима он не отправится к дворянину, владельцу огромного замка.

При этом Кламадэ охотно согласился поступить в распоряжение короля Артура и передать послание девушке, незаслуженно обиженной злобным Кеем: «Рыцарь отомстит, — таково его желание, невзирая на неприятности и беды, которые он накличет на себя этим желанием, лишь бы Бог соизволил благословить его и придать ему силы».

После чего побежденный дал обещание, что на следующий же день, еще до рассвета, отпустит целыми и невредимыми всех, кого держал

в заточении. Он вынужден был поклясться, что, покуда жив, не допустит, если это будет в его силах, чтоб какая бы то ни было армия осаждала замок, а его люди и сам он никогда не причинят зла красавице Бланшфлор.

ММОСССVIII

Кламадэ отправился

в свои земли. По прибытии он распорядился, чтобы всех узников, не требуя от них выкупа, отпустили восвояси. Разумеется, его распоряжение было выполнено. И освобожденные пленники немедленно покинули замок, унося скарб, который у них не отняли.

А Кламадэ продолжил свой путь в одиночестве. Таков был рыцарский обычай того времени. Мы можем прочесть о нем в книге, написанной рыцарем. Он уверяет, что, когда отправился в тюрьму с поля брани, где потерпел поражение, его обязали захватить с собой все снаряжение, которое при нем было, и при этом ничего не изъять и не добавили лишнего.

Вот так и Кламадэ двинулся вслед за Ангингероном, скачущим в сторону Динасдарона, где находился королевский двор.

MMDCCLXXXIV

в замке, куда

вернулись измученные пленом воины, воцарились радость и покой. В большом зале и в жилищах рыцарей вспыхнуло веселье. В церквях и монастырях зазвонили колокола, и не было монаха или монахини, которые не восхваляли бы милость Господа.

На улицах и площади танцевали мужчины и женщины. Ликованием наполнился замок, которому уже не угрожали ни война, ни долгая осада.

Проясняется небо, спадает мгла, и тогда понимаешь в минуты эти, что победа герою дает крыла, для того чтоб к разлуке попался в сети. О Бланифлор, ты ликуешь, не зная, как будешь завтра то гневаться, то терзаться, ведь победа для рыцаря — верный знак, что за женскую юбку нельзя держаться. В одиночку придется познать двоим, что на смену блаженству приходит мука: все, что сложит победа к ногам твоим, тут же твердой рукой заберет разлука.

ММССС
XLVIII

то касается

Ангингерона, то он продолжал свой путь, а за ним, как мы знаем, покоровшись судьбе, скакал Кламадэ. Три ночи ночевал он на тех же постоялых дворах, что и сенешаль, и мчался по его следам до самого Динасдарона, где король Артур возглавлял Совет.

Когда Кламадэ прибыл на место во всем вооружении, как и полагается рыцарю, Ангингерон уже успел передать королю послание, в котором просил, чтобы его признали при дворе и содержали там, дабы он мог принимать участие в проводимых королем Советах.

Сенешаль, увидев своего сеньора окровавленным, тем не менее, сразу же узнал его. Он немедленно объявил всем присутствующим:

«Сеньоры, сеньоры, вот диво! Юноша в золотой кольчуге направил сюда отважного рыцаря, могу поклясться!

Он победил его, нет сомнения, ибо я вижу, что мой господин — в крови. Я издалека узнал достойного рыцаря: он — мой сеньор, а я — его вассал. Имя моего господина — Кламадэ де Иль.

Присягаю, что он — блестящий воин, таких не знала еще Римская империя; но беда случается со многими благородными людьми, это уж точно».

Вот, что сказал Ангингерон, когда ко двору прибыл Кламадэ. Они бросились друг к другу и крепко обнялись, — встреча была радостной для обоих.

ММССС
LXXXV

астунил праздник

Троицы. Королева сидела рядом с королем Артуром на возвышении, а рядом стояли герцоги, другие короли и королевь,

а также графы и графини. Закончилась служба, дамы и рыцари только что возвратились из церкви.

В эту торжественную минуту появился Кей. Неспешно идущий по залу, он был без накидки, в правой руке сенешаль держал палку, шляпа прикрывала его золотистые волосы.

Такого прекрасного рыцаря мир еще не рождал. Пышные его кудри были заплетены в косу. Мужественную красоту Кея не портили даже злые шутки, которые сыпались из него, как из рога изобилия.

Туника его была сшита из дорогой шелковой материи, очень яркой; он был опоясан ремнем с пряжкой из золотых пластин. Уверяю вас, я в описаниях точен; к тому же об этом говорится во всех исторических хрониках.

Толпа мгновенно расступалась, когда Кей пересекал зал. Его коварных шуток и злого языка опасались все. В самом деле, только отчаянный храбрец или безумец мог не бояться остроот и злобных придилок королевского сенешаля, уж вы поверьте.

Страх был столь велик, что и в эти минуты Кея никто не затронул, пока он важно шел к возвышению, где восседал король.

ММ
ССССХХ

оснодин мой,—

развязно сказал Кей,— пора нам потешить свои желудки, если вы, конечно, не против!

— Кей,— отвечал король,— оставьте меня в покое! Ни за что, клянусь своим здоровьем, я не притронусь к еде в столь торжественный праздник. К тому же я провожу Совет, и мы ожидаемся великой новости, что скоро достигнет пределов нашего замка.

Пока он говорил, в зал вошел Кламадэ, явившийся сдаться в плен, как и положено, при оружии.

— Да хранит вас Бог,— произнес он,— и благословит лучшего из королей, самого щедрого, самого благородного, как свидетельствуют все, кто пересказывает легенды о великих подвигах, им совершенных!

Выслушайте меня, дорогой сеньор,— добавил Кламадэ.— Я хочу положить к вашим

ногам свою жизнь. Хотя это для меня и тяжело, но должен признаться, что отправлен сюда рыцарем, победившим вашего покорного слугу в честном поединке.

Он обязал меня сдаться в плен именно вам, сир, и я поклялся, что исполню его волю. Если бы вы спросили, известно ли мне имя победителя, я бы ответил: нет. Но могу сообщить одно: герб рыцаря — золотой и пожалован вами, как он утверждает.

— Мой друг, да поможет тебе Господь, — отвечал король, — скажи мне правду: в добром ли здравии пребывает этот юноша?

— Да, уверяю вас! — произнес Кламадэ. — Незнакомец также просил меня поговорить с девушкой, которая ему улыбнулась, за что злоязычный Кей нанес ей великое оскорбление, дав пощечину. Рыцарь сказал, что отомстит за бедняжку, если Господь будет к нему милосерден.

Шут, услышав такие слова, подпрыгнул от радости и воскликнул: «Господин мой король, да благословит меня Бог! Да уж, пощечина будет славно отомщена! И не думайте, что все обойдется каким-нибудь тычком: у Кея, как бы он ни сопротивлялся, будет сломана рука, а ключица вывернется вот так».

ММДССС
LXXII

ей сделал вид, что

воспринял реплику шута как глупую остроту. Совсем не из трусости сенешаль сдержал себя и не проломил шуту голову; Кею просто не хотелось позориться перед королем Артуром. Да, так и было.

Король, покачав головой, промолвил:

«Ах, Кей, как мне жаль, что рыцаря нет среди нас! Из-за твоего злого языка ушел он тогда, и это меня чрезвычайно печалит».

ММДССС
LXXII

отом по приказу

короля поднялся Жирофле, а с ним и монсеньер Ивен, который всегда мирил своих товарищей. Король Артур попросил их забрать с со-

бой Кламадэ и отвести в покои, где обитали фрейлины королевы. В ответ плененный рыцарь низко склонился перед королем и своими стражниками.

Кламадэ, согласно его просьбе, немедленно отвели туда, где находилась девушка. Поприветствовав красавицу, он сообщил ей новость, которая ее несказанно обрадовала. Бедная девушка все еще переживала из-за унижительной пощечины.

И хотя синяк давно сошел с ее нежной щеки, позор, увы, не забылся и мучил девушку днем и ночью, ведь нужно быть совершенно бесчувственным, чтобы забыть оскорбление, которое вам нанесли. Физическая боль проходит, но душевная не ослабевает. Лишь у трусливого стыд исчезает вместе с болью.

Что касается Кламадэ, передавшего девушке клятву молодого валлийца, то дальнейшая участь его была счастливой: король приблизил рыцаря к себе и держал при дворе до конца дней своих.

ММСМХ

герой, защитивший

от Кламадэ прекрасную Бланшфлор, свою нежную госпожу и возлюбленную, проводил подле нее приятные часы. В его безраздельной власти могли бы оказаться и все ее земли, если бы юноша позабыл, что сердце его тяготеет к другому.

У рыцаря в самом деле были заботы поважнее: он вспоминал свою нежную мать, лишившуюся чувств после его ухода, и больше всего ему хотелось навестить ее. Но юноша не осмеливался заговорить с возлюбленной об отъезде, а она, догадываясь о его стремлениях, старалась не допустить и малого намека на скорое расставание.

Жизнь в замке была безоблачной, прислуга — внимательной и заботливой: все понукало его остаться. Но не тут-то было!

Выбрав удобный случай, юноша открыл возлюбленной свою душу. Он поклялся привезти в Борепер свою добрую матушку, если застанет ее в живых, и управлять этим краем честно и справедливо до самой смерти. Так и будет, уверял

герой, пусть никто не подвергает его слова сомнению.

А если матушка умерла, он все равно вернется. Так всю ночь до самого рассвета уговаривал свою подругу юный валлиец. А днем решительно отправился в путь, покинув возлюбленную в печали наравне со всеми остальными.

ММСМ
XXVIII

огда он выезжал

из города, за ним шла такая процессия, какой может похвастаться только праздник Вознесения Господня или День Воскресения. Явились монахи в шелковом облачении и монахини в покрывалах; те и другие причитали:

— Заступник, прервавший наше изгнание, вернувший нас в родные места! Мы скорбим, и это понятно каждому: слишком скоро ты нас покидаешь. Горе жителей не имеет предела, описать его невозможно.

Герой отвечал им:

— Утрите слезы, с Божьей помощью я вернусь. Нет смысла предаваться печали. Разве плохо, что я собрался повидать свою матушку, живущую в одиночестве в местности под названием Безлюдный Лес? Жива ли она или уже покинула этот свет, я никогда не откажусь от мысли вернуться к вам и к моей возлюбленной.

Если матушка жива, я привезу ее, и она станет монахиней в вашей церкви. А если умерла, вы каждый год будете служить панихиду во спасение ее души, чтобы Господь поместил ее рядом с Авраамом и другими святыми душами.

Господа монахи и вы, прекрасные дамы, не стоит горевать: ваши молитвы за упокой ее души будут щедро вознаграждены, коли Бог вернет меня сюда.

ММММ
LXXII

то оставалось

монахам, монахиням и всем остальным? Они возвратились в замок. А валиец уже скакал с ко-

пьем наготове, вооруженный так же, как в день своего прибытия в замок.

До самого вечера юноше не встретилась на пути ни одна живая душа. Он не заметил ни крестьянина, ни крестьянки, которые могли бы указать ему дорогу.

Отважный валлиец постоянно возносил молитвы Господу, Всевышнему Отцу нашему, дабы застать свою мать живой и в здравии, если будет на то Божья воля. Он молился до тех пор, пока не достиг реки, опоясывающей долину.

Течение глубоководной реки было быстрым, и юноша не осмеливался войти в нее, чтобы пербраться на другой берег.

— Ах, Господь Всемогуший,— вскричал он,— если б мне удалось пересечь эту реку, думаю, я встретился бы со своей матушкой, коли она жива!

ММММ
LXXIV

се время идя вдоль

берега, юноша добрел до высокого холма, пре-

градившего ему дорогу. В тот же миг он заметил лодку, плывущую по реке; в ней сидели двое мужчин.

Молодой валлиец, конечно же, остановился в надежде, что они к нему подплывут. Но, увы, лодка замерла на середине реки. Мужчина, сидящий спереди, насаживал на крючок наживку, не крупнее, чем тонкий гольян, собираясь ловить рыбу. Юноша, понятия не имевший, где найти брод, поприветствовал рыбаков и спросил:

— Не подскажете ли вы мне, судари, есть тут мост или хотя бы брод?

Тот, кто удил рыбу, отвечал ему:

— Ах, брат мой, воистину, нет ни того, ни другого, как и лодки, крупнее той, что принадлежит нам. Да вот беда: она не выдержит и пяти человек, плыви, хоть вниз, хоть вверх по течению. Так что коня вам не переправить на тот берег: здесь нет ни парома, ни брода.

— Тогда подскажите мне, Бога ради, где отыскать ночлег.

— Ну, в этом, да и еще кое в чем вы нуждаться не будете. Приютить усталого путника на одну ночь мне труда не составит. Поднимитесь вверх по расщелине холма и вы увидите в ложбине дом. В нем-то я и живу, рядом с речкой и лесом.

О, не думай, наивный, что просто так, словно древо или цветок, попадает вдруг на пути рыбак, там, где не перейти поток. Для кого эта удочка, в тайну вод окунувшая свой крючок, знает Главный Ловец в синеве высот, но пока и Он — молчок. Змейка, тихо скользящая в тростнике, жук, внезапно блеснувший тут, и рыбак — все висят на Его крючке, даже если они плывут.

МММХХХV

валлиец быстро

поднялся на вершину холма. Оглядев с высоты окрестность и ничего, кроме неба и земли, не заметив, он горестно вздохнул и сказал:

— Что я думал здесь отыскать, простак? Глупое, бессмысленное дело, да предаст Бог позору того, кто прислал меня сюда! Для чего он уверял, что я увижу дом, когда доберусь до вершины! Рыбак, придумавший эту сказку, ты поступил подло, стремясь навредить мне!

Но в тот же миг валлиец обнаружил в долине башню, возникшую перед его глазами, как по мановению, и, пришпорив коня, помчался к ней.

Хоть пройди до самого Бейрута, не сыщешь красивее башни, к тому же построенной так ладно. Она была квадратная, сложенная из гра-неного камня, а по бокам высились две башенки поменьше. Большой зал располагался впереди башни; тут же пролегли две галереи.

Юноша спешил к жилищу рыбака, размышляя о том, что дорогу-то ему указали правильную.

Он устыдился, что назвал рыбака лгуном, и мысленно поблагодарил его, радуясь обретенному ночлегу.

Итак, наш герой подъехал к воротам, перед которыми увидел подъемный мост, чьей-то заботливой рукой, к счастью, уже опущенный.

Как только юноша миновал мост, ему навстречу вышли четверо слуг. Двое из них разоружили валлийца; третий повел кормить его скакуна овсом и прочим фуражом; а четвертый почтительно набросил на плечи гостя новый красивый плащ.

Подведя юношу к чудесной галерее, слуга сказал: «Знайте: до самого Лиможа не найти галереи прекраснее, даже если искать очень долго». Пока юный валлиец осматривался, хозяин прислал за ним двух слуг, учтиво сопроводивших рыцаря в большой зал, длина которого равнялась ширине.

На ложе, расположенном в центре зала, наш герой заметил изящного дворянина с седеющими кудрями. Его голову покрывала небольшая шапочка из черного соболя с красной окантовкой; одежда была изысканной и роскошной. Он лежал на подложенных под спину подушках и задумчиво наблюдал, как пылали сухие поленья в очаге между двумя колоннами.

Возле очага можно было усадить человек сто, и каждому хватило бы места. Четыре колонны поддерживали навес из бронзы над этим огромным очагом.

МММСИИ

луги, что привели

гостя, в почтительном молчании замерли перед своим хозяином. Дворянин же, взглянув на вошедшего юношу, тепло поприветствовал его и сказал:

— Друг мой, не обижайтесь, что я не вышел встречать вас, — этого я не могу сделать по причине своей болезни.

— Ради Бога, сударь, не извиняйтесь, — отвечал гость, — в моей душе нет обиды, и это истинная правда, как и то, что я молю Бога даровать вам здоровье и счастье.

Хозяин замка сделал попытку приподняться, но с тяжким вздохом вновь опустился на ложе.

— Друг мой, — заговорил он вновь, — пойдите, присядьте рядом со мной, прошу вас.

Юноша тут же исполнил просьбу, и дворянин спросил:

— Не затруднит ли вас рассказать, откуда вы прибыли?

— Сударь, — отвечал валлиец, — сегодня я выехал из Борепера, так называется место, ставшее мне вторым домом.

— Да сохранит вас Бог, — промолвил хозяин, — у вас был длинный, тяжелый день: вы отправились в путь прежде, чем сторож протрубил восход солнца.

— Нет, — возразил юноша, — когда я покинул замок, час дня уже пробил, клянусь вам!

МММ
СХХХ

есяда рыцарей

текла плавно и неспешно, а между тем в зал вошел слуга: на шее его висел меч, который он почтительно передал хозяину.

Дворянин на треть вытащил меч из ножен и сразу же уразумел, где этот меч изготовлен, — все объясняла надпись на лезвии.

К тому же сталь дивного оружия была высочайшего качества, и дворянин понял: сломать меч практически невозможно, если не брать в расчет тот особый случай, что был известен лишь мастеру, выковавшему и закалившему этот меч. Слуга, доставивший оружие хозяину замка, сказал:

— Сударь, это — подарок от златокудрой прекрасной девушки, вашей племянницы. Никогда еще вы не держали в руках столь легкого меча, принимая во внимание его размеры.

Можете подарить его любому, но моя госпожа будет счастлива, если меч попадет к тому, кто воспользуется им для свершения добрых дел. Мастер, изготовивший этот меч, выковал всего три подобных, и, когда он умрет, тайна его уйдет вместе с ним.

МММСLVIII

озяин, заметивший

восхищение валлийца, без промедления протянул ему удивительный меч, у которого одни

только ножны стоили целое состояние. Рукоять меча изготовили из самого лучшего золота Аравии или Греции, а ножны украсили серебряной отделкой.

Вручая прекрасный дар юноше, дворянин произнес:

— Сударь, этот меч предназначен вам, и я хотел бы, чтобы он стал вашим прямо сейчас. Пристегните его к поясу и вытащите из ножен.

Юноша поблагодарил, пристегнул меч к поясу так, чтобы он висел свободно, а затем вытащил из ножен. Подержав его некоторое время в руке, валлиец вложил меч в ножны, не скрывая восторга, охватившего все его существо.

Знайте же, что меч был валлийцу как раз по руке. Наш герой понимал, что воспользуется им только в крайнем случае, но сумеет орудовать мечом так, как подобает истинно благородному рыцарю. Оглядев стоящих возле ярко пылавшего очага, он узнал слугу, хранящего его оружие, и вручил ему меч.

Проделав это, юный валлиец вернулся к седовласому дворянину, который столь великодушно оказывал ему особые почести. Зал, несмотря на его огромность, был освещен необыкновенно ярко: великое множество свечей рождало этот свет.

МММСХС

озяин с гостем

продолжили беседу, но вдруг из соседней комнаты появился второй слуга, несущий в руке копье. Держа его посередке, он прошел между очагом и теми, кто сидел на ложе.

Присутствующие глядели, не отрывая глаз, на белое копье с таким же белым наконечником. Капля крови стекала с острия наконечника на руку слуги.

Наш герой уже шевельнул губами, но вовремя удержался от вопроса, ибо вспомнил наставление Горнеманта, который произвел его в рыцари. Тот утверждал, что необходимо воздерживаться от многословия и не болтать попусту.

Усвоив урок, юноша вовремя одернул себя: он опасался, что его вопрос могут посчитать признаком дурного воспитания или грубости. Таким образом, смирив свое любопытство, валлиец не произнес ни слова.

МММССС
ХІІІ

жду тем в зал

вошли еще двое слуг: они держали в руках золотые шандалы, украшенные черной эмалью. На редкость хороши собой были слуги, несущие шандалы. В каждом шандале горело по меньшей мере десять свечей.

Держа Грааль в ладонях, в сопровождении слуг вошла девушка. Она была необыкновенно красива, изящна и роскошно одета.

Когда красавица, держащая Грааль, появилась в зале, он озарился светом, да таким, что свечи померкли, как меркнут звезды и луна, когда восходит солнце. Ее сопровождала другая девушка, несущая в руках серебряное блюдо.

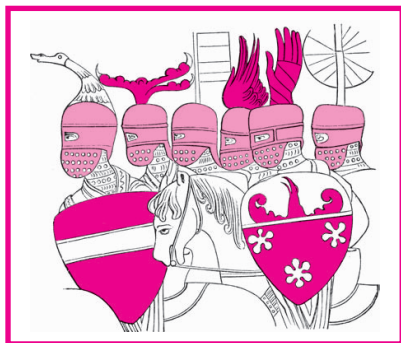
Чаша Грааля, плывущая впереди, была из чистого листового золота, к тому же инкрусти-

рована драгоценными камнями, самыми дорогими и самыми редкими из тех, что существуют в морях и в недрах земли. Все остальные камни меркли перед камнями Грааля, — в этом не было никаких сомнений.

Как поначалу копье, — Грааль и серебряное блюдо пронесли мимо ложа.

И юноша, во все глаза глядевший на них, не осмелился спросить: «Кому служит Чаша Грааля?» Он свято хранил в сердце наставление мудрого Горнеманта.

Боюсь, это был дурной совет, ибо сам слышал утверждение, что чересчур много молчать так же плохо, как чересчур много болтать. Но, на свое счастье или беду, отважный рыцарь не задал ни одного вопроса.

Пронесли, — а ты не спросил (как жаль!) и в дальнейшем не спросишь вновь, — для чего явили тебе Грааль и конь, на котором кровь. Человек, внушивший уста замкнуть, ненамеренно ввел в обман. Ты теперь стократ удлинил свой путь и развесил над ним туман. И когда, на миг озаряя даль, над которой клубится мгла, жизнь мелькнет, сверкнувшая, как Грааль, ты не спросишь, зачем была.

МММСС
LIV

Ворянин велел подать

для юноши воды и застелить скатертью стол, что и выполнили те, кому это вменялось в обязанность. Пока хозяин и гость ополаскивали руки теплой водой, слуги внесли в зал широкую столешницу.

Как о том свидетельствует легенда, она была сделана из цельного куска слоновой кости. Слуги держали ее перед хозяином и молодым человеком, пока не прибыли еще двое, доставивших две треноги.

Дерево, из которого изготовили треноги, обладало особыми свойствами и считалось весьма прочным. Что же это было за дерево? Эбеновое черное дерево, представьте!

Как мы знаем, не надо опасаться, что оно может сгнить или обуглиться: это дерево способно выдержать все невзгоды и беды.

Столешницу установили на треноги и накрыли скатертью. Что вам сказать о ней? Никогда ни легат, ни кардинал, ни даже Папа Римский не видывали столь белоснежной скатерти.

МММСС
LXXX

начала подали

жареное оленьё мясо, приправленное перцем. Вино — терпкое, легкое, светлое — наливалось по самые края золотых чаш. Жареная оленина с перцем была разделана слугой, который, придвинув серебряное блюдо, разложил на нем куски нежнейшего мяса.

МММССХС

Вот тогда мито

них снова пронесли Грааль, и молодой человек опять удержался от вопроса. Он промолчал, ибо дворянин, о котором валлиец всегда вспоминал с благодарностью, рекомендовал ему больше молчать, нежели говорить, и этот совет юноша принял близко к сердцу.

Но, очевидно, валлиец молчал дольше, чем полагалось: каждый раз перед тем, как подавать очередное блюдо, мимо него проносили Грааль, а он все еще не знал, кому оказывалась такая честь. Хотя, клянусь вам, юноше было совсем не просто смирять свое любопытство. Конечно, он сможет спросить об этом у любого из слуг (так уговаривал себя рыцарь), но только перед самым отъездом; он подождет до следующего утра, когда будет прощаться с хозяином и его людьми.

Приняв, как ему казалось, правильное решение, молодой валлиец с аппетитом набросился на еду и питье.

МММ
СССХІІ

х, что это была
за еда! Блюда и вина подавали на стол, не скупясь, одно вкуснее другого. Какое пышное, изысканное застолье! Все яства, составляющие меню королей, графов и императоров, были поданы в тот вечер хозяину и молодому человеку.

Утолив голод, оба продолжили беседу, в то время как слуги стелили на ночь постели и раскладывали на блюдах фрукты, которыми наслаждаются перед сном.

Были те фрукты довольно редкими: финики, инжир, гранаты; и к ним — мускатный орех и александрийский имбирь; а также — разнообразные ароматические, облегчающие пищеварение и обладающие многими лечебными свойствами экзотические земные яства.

А дворянин с нашим героем вновь пробовали дивные напитки: густое вино с медом и перцем; другое, приправленное ежевикой; прозрачные, ласкающие нёбо, сиропы.

Все это совершенно разморило молодого валлийца, который, как известно, не привык к подобному великолепию.

МММССС
ХХХVI

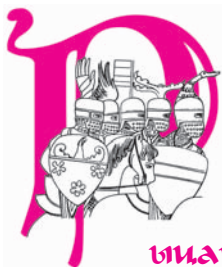
бнаружив, что юноша

беспреданно зевает, хозяин замка сказал:

— Друг мой, пора отправляться спать. Я, если вы не возражаете, перейду в свою спальню и лягу в постель. А вы, когда сон сморит вас, сможете переночевать в соседней комнате. Поскольку я уже не способен пошевелить ни рукой, ни ногой, слуги меня отнесут.

Четверо быстрых и крепких слуг тут же вошли в комнату, ухватились за края покрывала, на котором возлежал хозяин, и унесли дворянина в опочивальню.

С юношей остались другие слуги, которым было приказано выполнять все его прихоти. Когда он пожелал, с него сняли сапоги и одежду и уложили на ложе, накрыв тончайшей белоснежной простыней.

МММ
СССLVI

ыцарь проснал до самого

утра и, поднявшись, почувствовал себя воистину бодрым и отдохнувшим. Уже давно рассвело, и люди в замке должны были проснуться. Но, оглядевшись, юный валлиец никого не обнаружил. По этой причине ему пришлось одеваться самостоятельно, без помощи исполнительных слуг.

Побродив некоторое время **по залу**, он взял свои доспехи, лежащие там, где их с вечера оставили, — на столе, и направился к дверям. Рыцарь помнил, что ночью он видел двери открытыми, но сейчас они **были заперты**.

Юноша кричал, шумел, изо всех сил барабанил в двери, но никто ему не открыл и даже не отозвался.

МММССС
LXXVI

акричавшись

и не получив ответа, валлиец толкнул дверь большого зала, — она оказалась незапертой, — и спустился по ступеням в сад. К счастью, конь его уже был оседлан, и чья-то заботливая рука прислонила к стене дома щит и копье.

Рыцарь вскочил на коня, объехал по кругу весь замок, но не заметил ни слуг, ни конюхов. Приблизившись к воротам, он увидел, что мост опущен: его не поднимали, чтобы ничто не мешало валлийцу выехать в любое время. Поразмывсив, юноша решил, что слуги отправились в лес проверять капканы.

Не желая задерживаться в таинственном замке, он решил разыскать хоть кого-нибудь из жителей и узнать, почему с копья капала кровь, а также спросить, кому служит Грааль и зачем его переносили из комнаты в комнату.

МММ
ССССС

олодой рыцарь

оставил за спиной ворота, но, ступив на мост, почувствовал, что конь забил копытом и встал на задние ноги. О, если бы не это, пришлось бы туго и коню, и всаднику!

Юноша в растерянности оглянулся и увидел, что мост поднимается. Он закричал, но ему опять никто не ответил.

— Эй, — завопил валлиец еще громче, — ты, поднявший мост, выйди поговорить со мной! По какой причине ты прячешься? Покажись, и я расспрошу тебя обо всем, что меня мучает с прошлого вечера!

Но его монолог был абсолютно бесполезен — никто не ответил. Тогда юноша направил коня к лесу и на тропе с удивлением обнаружил свежие следы копыт. Очевидно, лошади проскакали здесь совсем недавно.

«Могу поклясться, это следы тех, кого я ищу!» — подумал он.

МММ СДХХІХ

так, рыцарь углубился

в лес и скакал до тех пор, пока, по воле случая, не наткнулся на плачущую под дубом девушку. Казалось, ее постигло великое горе.

— Увы, — восклицала она, — как я несчастна, под какой ужасной звездой родилась! Да будет проклят час, когда меня зачали, а также час моего рождения! Нет, никогда еще не попадала я в такую беду!

Для чего я увидела гибель своего возлюбленного? Уж лучше бы он остался в живых, а я умерла, если Богу было угодно разлучить нас! Почему ненасытная смерть унесла не меня, а его? Зачем я живу, если тот, кого я люблю, скончался? Без него не нужны мне ни жизнь, ни тело мое. Смерть, возьми мою душу, пусть она станет служанкой души его, коли на это будет дано Господне соизволение!

МММ
СДІІІ

ак причитала девушка

над мертвым рыцарем, который лежал в ее объятиях: голова у него была отсечена.

Юноша долго не решался приблизиться к плачущей, предпочитая стоять на почтительном расстоянии, дабы не напугать ее. Наконец, подойдя поближе, он поклонился девушке, а она кивнула ему, не поднимая головы и не прекращая причитать. Юный валлиец выдержал небольшую паузу и спросил:

— Скажите мне, кто убил человека, лежащего на ваших коленях?

— О, незнакомец, — вздохнула она, — он пал от руки рыцаря сегодня утром.

И пристально посмотрев на юношу, добавила:

— Известно, что в наших краях, сохрани меня Бог, можно проехать (и все это подтвердят) более двадцати пяти миль, не встретив ни одного постоянного двора, который был бы надежным, чистым и приличным.

А ваш конь, сударь, откормлен, шерсть его лоснится, да так, как если бы его помыли, причесали и поставили на ночлег в конюшню, полную овса и сена, да и то, не было бы у него более полного брюха и более блестящей шерсти. И вы, как мне кажется, тоже отлично поужинали и поспали.

— Воистину, — отвечал он, — нынешней ночью я воспользовался всеми удобствами. И если я выгляжу отдохнувшим, это неудивительно. Люди, которые могут пройти здесь, конечно же подтвердят, где я провел ночь. Очевидно, вы не так хорошо знаете эти края, ибо я отыскал ночлег, лучше которого у меня еще не было.

— Ах, сударь, стало быть, вы переночевали у щедрого Короля-Рыбака?

— Клянусь Богом, девушка, что не ведаю, рыбака мой хозяин или король, но я видел, что он богат, умен и любезен.

Ничего другого я вам сказать не могу, разве только то, что вчера вечером встретил двоих в лодке, тихо плывущей по реке. Один из рыбаков греб, другой ловил удочкой рыбу; он-то и указал мне дом, в котором меня приютили.

— О, сударь, — сказала девушка, — тот, кто вас принимал, — король, и я могу это подтвердить. Во время битвы он был тяжело ранен

и стал калекой. Копье пронзило ему самый низ живота. От этого он ужасно страдает и не может сесть на лошадь.

Но когда король желает развлечься, он просит, чтобы его отнесли в лодку, и ловит удочкой рыбу. Вот потому-то он и зовется — Король-Рыбак.

Хочу заметить, что король не признает никаких развлечений и удовольствий, кроме рыбалки. Он не может охотиться, но у него есть свои речные охотники, лучники, егеря, которые промышляют в этом лесу, полном живности. Поняв, что в целом мире не найти места лучше, он построил здесь замок, подобающий королю.

— Благодарю вас, — вскричал молодой рыцарь, — наконец-то я услышал правду! Признаться, представ перед рыцарем вчера вечером, я был потрясен. Поскольку я держался в стороне, человек, которого вы назвали королем, попросил меня сесть рядом с ним на ложе и не считать его гордецом, из-за того что он не поднялся мне навстречу, будучи лишенным такой возможности. И, поверьте, я сел рядом с ним без всяких колебаний!

— Безусловно, этим он оказал вам великую честь. Но, скажите, было ли там копье, с острия которого капала кровь, хотя вы не заметили ни пронзенной плоти, ни разорванных сосудов?

- Ну да, я его видел.
- Вы спросили, почему оно кровоточит?
- Я не задал ни одного вопроса.
- Боже мой, знайте: вы поступили ужасно.
- А проносили ли мимо вас Грааль?
- Да.
- Кто его держал?
- Девушка.
- Откуда она явилась?
- Из комнаты.
- А куда направилась?
- В другую комнату.
- Шел ли кто-нибудь перед Граалем?
- Да.
- Кто?
- Всего двое слуг.
- А что они держали в руках?
- Шандалы со множеством свечей.
- А кто следовал за Граалем?
- Другая девушка.
- И что несла она?
- Серебряное блюдо.
- А вы спросили, кому служит Грааль?
- Я не произнес ни слова.
- Боже мой, это совсем скверно. Как ваше имя, рыцарь?

МММО
LXXXIII

юноша, никогда не

знавший своего имени, вдруг угадал его и ответил: «Персеваль Галлиец». Да-да, в этот миг он сказал правду, сам того не ведая. Когда девушка услышала имя, она вско-чила и прокричала, как сделала бы всякая раз-гневанная или возмущенная женщина:

— Отныне вы будете зваться иначе, рыцарь!

— Как же?

— Персеваль Несчастный! Ах, Несчастный Персеваль, какая беда, что вы не задали своих вопросов, ведь вы могли излечить короля-калеку! Он обрел бы способность к движению, дабы управлять этими землями на благо людям!

Запомните, что теперь и вас, и других ждут большие несчастья. А все потому, что вы согреши-

ли перед своей матерью, ведь, да будет вам известно, она умерла от горя. И виновник этого — вы!

Я знаю вас лучше, чем вы меня. В течение долгих лет я воспитывалась вместе с вами у вашей добрейшей матушки.

Я — двоюродная сестра вам, а вы — мой двоюродный брат. Моя душа скорбит из-за того, что вы ничего не спросили о Граале, так же, как скорбит она о смерти вашей матери и о трагической судьбе мужчины, которого я боготворила, называвшего меня своей милой подругой и любившего так, как умеет только самый благородный и честный рыцарь.

Что ж, пришла пора тебе
поглядеть назад: ты ут-
ратил мать, калеке не
смог помочь. Удрученно спро-
силь: «Разве я виноват, что
летел вперед, сомнения отбро-
сив прочь? А слепец, в дороге
взявший неверный след, вино-
ват ли в том, что к пропасти
сделал шаг?» Я тебе отвечу
так: «Невиновных нет. Ты не
будешь слеп, коль зряча твоя
душа». О, еще не поздно ни-
точку расплести, размотать
клубок,— и дело пойдет на лад.
Но все дальше скачешь, голову
опустив, и копыта вторят:
«Разве он виноват?..»

— Ах, кузина! — воскликнул Персеваль, — если вы сказали мне правду, то каким образом она стала вам известна?

— Ничего удивительного — отвечала девушка с присущей ей уверенностью, — я была свидетельницей погребения твоей матери.

— Пусть Всемогущий Господь смилуется над душой страдальцы, — сказал Персеваль, — дарует ей милосердие Свое! Но если матушку уже погребли, в моем путешествии нет никакого смысла, — я ведь предпринял его только для того, чтобы повидать ту, которая, проводив меня в путь, лишилась чувств. Придется менять дорогу. И если вы пожелаете последовать со мной, я буду во-истину рад.

Тот, кого вы любили, уже не сможет оказать вам поддержку. Мертвое — мертвым, живое — живым. Уйдем же отсюда вместе. Полное безумие — оставаться здесь рядом с мертвецом. Не лучше ли догнать убийцу? Клянусь: либо он вынудит меня признать поражение, либо я его, если, конечно, настигну этого негодяя!

МММДС
XXXVIII

о девушка не

смогла справиться со своим горем и ответила так:

— Дорогой брат, я не уйду ни с вами, ни с кем бы то ни было, пока не похороню своего любимого. Вы же скачите по этой, вымощенной камнями, дороге, ведь именно по ней умчался жестокий и гордый воин, сразивший рыцаря, которого я любила.

Забудьте обо мне: больше всего я желаю, и да поможет мне Бог, чтобы вы настигли моего врага и принесли ему столько же горя, сколько он причинил мне, убив мою душу.

Но кто дал вам меч, висящий у вас на поясе? Он пока не пролил ни капли крови: никто до сих пор не выхватывал его из ножен, чтобы сразить противника. Мне известно, где его изготовили и кем он выкован. Упаси вас Бог довериться это-

му мечу: сомнений нет, он подведет вас, разлетевшись на куски, как только начнется сражение.

— Дорогая кузина, его прислала вчера вечером одна из племянниц моего доброго хозяина, а тот вручил оружие мне. Признаться, я посчитал этот меч неплохим подарком.

Но вы поселили в моей душе тревогу, коли ваши слова правдивы. Скажите, если и правда знаете: развалившись на куски, не восстановится ли он когда-нибудь?

— О да, но дело это не такое простое. Надо будет пробраться к озеру, расположенному над Котоатром, найти кузнеца, что выковал меч; он перекует его, закалит и восстановит.

Если случай или Бог приведет вас туда, не обращайтесь ни к кому, кроме Требюшета (так зовут кузнеца): только он сможет собрать ваш меч в единое целое. Проследите, чтобы никто иной не прикасался к мечу, ничего хорошего из этого не выйдет.

— Безусловно, я буду огорчен, — вздохнул Персеваль, — если меч разлетится на куски.

МММДС
ХСІ

отпросившись, он

ускакал, а она осталась, не пожелав покинуть любимого, чья гибель погрузила ее в такое беспросветное горе.

Персеваль мчался по следам чужой лошади и вскоре настиг изможденного, тощего коня, медленно бредущего среди зарослей. Юноша подумал, что у коня был, очевидно, плохой хозяин, настолько жалко выглядела эта унылая кляча.

Конь производил впечатление заморенного и скудно кормленного; наверное, он переходил из рук в руки, не зная достойного ухода. Худой, дрожащий, как в лихорадке, с обтянутым кожей черепом, обвислыми ушами и сильно выпирающими ребрами, он являл собой животину, которая со временем становится жертвой гончих и бульдогов. Седло на спине и сбруя на чрепе выглядели не лучше.

Верхом на нем сидела девушка. Персевалю еще не доводилось видеть такого несчастного существа. Вероятно, при других обстоятельствах она выглядела бы изящной и привлекательной.

Но сейчас положение этой особы было воистину бедственным, ибо от платья, прикрывавшего ее худобу, остался лишь один цельный лоскут, шириной в ладонь, а сквозь огромные дыры виднелась грудь.

Прорехи были зашиты широкими стежками, местами зияли латки. Кожа незнакомки, изрезанная морщинами, будто ланцетом, ссохлась и потемнела от жары и стужи. Спутанные волосы закрывали спину.

На девушке не было накидки, а ее лицо хранило следы тяжелых испытаний. Из покрасневших глаз на шею, грудь и колени струились потоки слез. Сердце девушки разрывалось от стыда и отчаянья.

МММ
СССХЛ

видев приближающегося

Персеваля, незнакомка попыталась судорожно прикрыть свою наготу лохмотьями. Но все напрасно: прикрывая одну часть тела, она неизбежно обнажала другую.

Вот какую особу, бледную, увядшую и бесконечно несчастную, догнал Персеваль. Когда расстояние между ними сократилось до нескольких шагов, она принялась жалобно рассказывать о своих муках и бедах.

— Боже мой,— причитала бедняжка,— сделай так, чтобы срок моей жизни сократился! Я слишком долго была несчастной и много страдала, ничем не заслужив этого! Господи, Ты прекрасно знаешь, что я не виновата, пришли же, пожалуйста, кого-нибудь, кто избавит меня от унижительных мук, или освободи меня Сам от моего обидчика! В нем нет милосердия, а убежать от него я не смею: он грозит убить меня.

Не знаю, почему он хочет, чтобы я жила с ним. Возможно, мучитель получает удовольствие, наблюдая мой бесконечный позор.

Если ему стало известно о каких-либо преступлениях моих, неведомых мне самой, и другого отношения, по его мнению, я не заслуживаю, он все равно мог бы надо мной сжалиться, хотя бы потому, что когда-то я была ему небезразлична.

Наверняка он испытывает ко мне только отвращение, коль подвергает таким испытаниям, не давая уйти. О, ему, видать, все равно!

— Да хранит вас Бог, дорогая госпожа! — сказал Персеваль, всей душой сострадая плачущей незнакомке.

МММДСС
LXXX

евушка опустила
голову и прошептала:

— Сударь, вы, кто приветствует меня, пусть ваше сердце получит все, чего оно жаждет, хотя у меня нет никаких причин желать вам этого.

Персеваль, озадаченный ее словами, произнес:

— Объясните, милая девушка, чем заслужил я ваши упреки? Не припомню, чтобы мы с вами когда-либо виделись. Неужто я, сам того не ведая, стал причиной всех ваших бед?

— Увы, — отвечала она, — я настолько несчастна и убога, что никто не должен со мной здороваться. Я покрываюсь испариной от стыда и страха и когда меня останавливают или разглядывают.

— О, простите, — молвил Персеваль, — я совершил ошибку, но сделал это не намеренно. Поверьте, я пришел вовсе не для того, чтобы вас оскорбить — сюда привела меня дорога.

Но, застав вас в таком плачевном состоянии, в такой убогости и почти наготе, я захотел узнать правду о том, что с вами случилось, и что за боль и печаль вас постоянно гложут.

— Ах, сударь, — воскликнула она, — сжальтесь, замолчите, оставьте меня одну! Вас удерживают возле меня греховные мысли, но бегите отсюда, и вы поступите мудро.

— Хотелось бы знать, — повторил Персеваль, — что за страх или угроза велят мне бежать, ежели никто меня не преследует?

— Сударь, — твердила девушка, — бегите, пока не поздно, пока не явился Гордый Лалан-

дер, мечтающий лишь о драках и битвах! Увидев вас рядом со мной, он, вне всякого сомнения, тут же разделается с вами.

Его бесит, когда кто-то задерживается около меня. Если со мной заговаривают, он приходит в ярость. Пожалевшему меня — не сносить головы. Нынче злодей уже убил одного рыцаря! К тому же он каждому рассказывает, почему довел меня до такого жалкого состояния. Бегите!

ММММСССС
LXXXXXI

о слова ее прозвучали

слишком поздно. Неистовый

Лаландер стремительно выскочил из леса и обрушился на Персеваля, как ураган:

— На свою беду объявился ты здесь! — вопил он, — ты, посмевавшийся оказаться рядом с этой ужасной девушкой. Знай, наступил твой последний час, ибо ты остановил ее и заговорил с нею! Но перед смертью ты узнаешь, по какой причине и за какие грехи я принуждаю ее жить

в таком позоре. Слушай же историю, которая воистину омерзительна.

В некий день, будь он проклят, я отправился в лес, оставив в шатре мою супругу; никого я так не любил на свете, как ее. По воле случая появился здесь молодой Галл. Уж как ему это удалось, не знаю, но он поцеловал ее насильно, сама она мне призналась, а если и солгала, то чем рисковала?

Но коли он ухитрился поцеловать ее насильственным способом, то разве не мог добиться и всего остального? Только глупец поверит, что все обошлось одним поцелуем, поскольку за первым действием всегда следует другое. Кто целует женщину и не продвигается дальше, когда двоим ничто не мешает, — сдерживается из последних сил, я уверен в этом

А уж если женщина подставила губы мужчине, она охотно уступит и в прочем, стоит ему только постараться. Сопrotивляется она лишь для того, чтобы полнее одержать победу, за исключением единственного случая, когда вцепляется мужчине в горло, царапается, кусается и желает ему смерти, мечтая при этом быть побежденной. Она протестует, но ей не терпится, чтобы ее одолели.

Женщина боится отдаться, но в то же время мечтает, чтобы ее взяли силой. А все это для того, чтобы не быть благодарной мужчине. Из этого следует, что наглый Галл овладел той, что клялась мне в верности, и даже принял от нее в дар принадлежащий мне перстень, который она носила на пальце. Он увез его, и меня это бесит.

Но прежде чем уехать, Галл выпил моего крепкого вина и съел три паштета, которые я отложил для себя. Что ж, за свой грязный, гнусный проступок моя супруга и вознаграждена должным образом, как ты убедился. Коль пустилась в безумное предприятие, пусть расплачивается, дабы это не повторилось! Представь, как я был разгневан, узнав о ее проделках!

Я поклялся, — и правда была на моей стороне, — что ее конь больше не увидит овса, не узнает, что такое новая подкова, а изменница не получит ни другой туники, ни плаща, ни прочей одежды, кроме той, что она носила, когда отдалась мерзавцу. И все это до тех пор, пока я не убью, а потом не отрублю голову тому, кто взял ее силой.

Ничего ревнивицу не дока-
зать. Будет он вопить,
угрожать, терзать подо-
зрениями день за днем; разро-
лит сундук; дорогой ларец раз-
берет на части, чтоб наконец
обнаружить улику в нем. «Сам
вчера, — он крикнет, — я видел
здесь ровно три пылинки; те-
перь их шесть! Признавайся
мне, чьи следы? С кем ты ночь,
изменница, провела?» И молчит
супруга, белым-бела, ожидая лю-
бой беды. О ревнивицы, пьяницам
вы сродни: протрезвеб, клянут-
ся с утра они, что не сделают
ни глотка, слезы льют и про-
сят спасти, помочь... А наста-
нет вечер — и все точь-в-точь
повторится наверняка.

МММДССС
ХСІХ

ыслушав его, Персеваль

отвечал:

— Рыцарь, поверьте мне, она уже искупила свою вину, потому что я действительно поцеловал ее против воли, но ничего иного себе не позволил. Вы и вообразить себе не можете, как вашу супругу огорчил этот насильственный поцелуй!

Кольцо, в чем я сильно раскаиваюсь, было тоже похищено мною. Но, кроме поцелуя, клянусь вам, я не позарился ни на что! Правда, я съел полтора паштета из трех. А что касается вина, то я выпил его столько, сколько мне в тот миг захотелось, и поступил я, как полный глупец.

— Негодяй! — воскликнул Гордый Лаландер, — ты произнес невероятную речь, признаваясь в своем преступлении! За эту правдивую исповедь ты заслуживаешь смерти.

— Смерть не столь близка, как вам кажется, — заметил Персеваль.

МММММ
XVIII

е сговариваясь,

рыцари разогнали своих коней навстречу друг другу, молча и с такой яростью, что их копыта разлетелись на щепки, и оба свалились на землю.

Но противники тут же вскочили на ноги и, пренебрегши мечами, стали отчаянно колотить друг друга. Битва была жестокой. У меня нет ни малейшего желания продолжать описание боя, поскольку мне это представляется делом совершенно бессмысленным и неблагодарным.

Короче говоря, они дрались до тех пор, пока Гордый Лаландер не признал себя побежденным и не попросил пощады. Молодой валлиец, помня, что наставник учил его ни в коем случае не убивать рыцаря, попросившего пощады, произнес следующее:

— Рыцарь, воистину, я не пощажу вас, потому что вы не даруете прощение своей супруге, потому что она не заслужила столь жестокого наказания, могу в этом поклясться!

МММММ
XLIII

от, кто любил свою

жену преданно и страстно, отвечал:

— Поверь, я на самом деле желаю исправить свою ошибку, а потому с удовольствием подчинюсь твоей воле. Прикажи что угодно, и я это с радостью выполню. От муки, которую я причинил возлюбленной, тоскует мое сердце.

— Отправляйтесь, — велел молодой человек, — в ближайший в этих местах замок, распорядитесь, чтобы вашей супруге дали возможность помыться и отдохнуть. А когда она наберется сил и поправит здоровье, отвезите ее в красивом наряде к королю Артуру; поприветствуйте его, и пусть он распорядится вашей жизнью, как посчитает нужным.

Если король спросит, от чьего имени вы пришли, — скажите, что вас прислал тот, кого он посвятил в рыцари по совету своего сенешаля.

Но это еще не все. Кара за оскорбление, которое вы нанесли своей верной супруге, будет

вот какой: вы покаетесь в том, что совершили, перед всем королевским двором, да так, чтобы вас слышали каждый рыцарь, каждая дама, а также королева и ее фрейлины, среди которых немало блистательных красавиц.

Но одна затмевает красотой всех. Она получила пощечину от Кея за то, что мне улыбнулась, да такую сильную, что чуть не лишилась чувств. Вы разыщите ее и скажете, что никогда и ни за какую цену я не отправлюсь ко двору короля Артура, пока не отомщу ее обидчику.

МММСМ
LXXI

обежденный рыцарь

ответил, что охотно исполнит все, что ему приказано, как только оправится его супруга и пройдет время, необходимое для сборов. Он добавил, что с удовольствием взял бы Персеваля с собой, дабы молодой рыцарь отдохнул, восстановил силы и залечил свои раны.

— Ступайте, удачи вам, — напутствовал его Персеваль, — позаботьтесь о своей возлюбленной, а я поищу ночлега в другом месте.

МММСМ
ХСV

осле этих слов они

простились, и никто из них не стал мешкать.

В тот же вечер Гордый Лаландер распорядился, чтобы его жену выкупали и богато одели. Он окружил ее столь нежными заботами, что к герцогине довольно скоро вернулась бывшая прелесть.

Затем помирившиеся супруги отправились в Карлион, где находился двор короля Артура, очень скромный, ибо у короля было не более трех тысяч благородных рыцарей. В присутствии придворных Лаландер, прибывший ко двору со своей женой, сдался в плен королю Артуру, заявив перед тем:

— Сир, отныне я — ваш слуга, готовый исполнить любое королевское повеление. Это вполне законно и справедливо, поскольку я вы-

полняю приказ юноши, который попросил у вас сверкающие доспехи и получил их.

совсем немного времени, чтобы понять, о ком говорил Гордый Лаландер:

— Разоружитесь, рыцарь, — приказал король Артур. — Пусть радость и удача сопровождают того, кто отдал вас в мое распоряжение, а вам — добро пожаловать! Благодаря этому юноше, вас будут любить и почитать.

— Сир, мне нужно еще кое-что сказать вам, прежде чем я разоружусь. Это нечто важное, и хотелось бы, чтобы королева и ее придворные дамы пришли выслушать мою историю, поскольку она не может быть рассказана до того, как здесь появится та, которую ударили по щеке только за то, что она рассмеялась, в чем и состояло ее ужасное преступление.

ММММ
ХХХVII

казав это, рыцарь

застыл в ожидании. Согласно кивнув, король призвал к себе королеву. Она явилась в сопровождении придворных дам, которые шли парами, держась за руки. Как только королева села рядом со своим супругом, Гордый Лаландер позволил себе обратиться к ней:

— Прекрасная госпожа, я передаю вам привет от рыцаря, победившего меня в поединке. Я знаю о нем не так много, но он прислал к вам мою супругу, — она стоит рядом со мной.

— Я вам очень признательна, друг мой, — ответила королева.

И тогда рыцарь поведал ей о дурном обращении и позоре, которые пережила его несчастная жена, и о причинах своего поведения, ничего при этом не скрыв. После чего его подвели к девушке, получившей пощечину от Кея, и Гордый Лаландер сказал: